

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

**ПРОБЛЕМЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США**

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН

**ПРОБЛЕМЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США**

Перевод с английского
Е. НЕЛЕДИНСКОГО

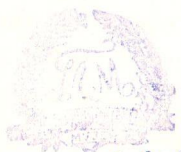
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк • 1956

© 1956 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

REALITIES OF AMERICAN FOREIGN POLICY

by
GEORGE F. KENNAN

Translated from the English
by
EUGENE NELEDINSKY

296003

PRINTED IN THE U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга состоит из четырех лекций, прочитанных автором в Принстонском университете в марте 1954 г. Это должен учесть русский читатель, во-первых, потому, что, обращаясь к американской аудитории, Джордж Кеннан сознательно подчеркивает отрицательные стороны американской дипломатии и не стремится дать исчерпывающего анализа внешней политики США, а лишь рассматривает основные ее принципы и методы. Во-вторых, читатель должен помнить, что эти лекции были прочитаны через год после смерти Сталина, когда будущую тактику великих держав было особенно трудно предвидеть.

Джордж Ф. Кеннан был, как известно, послом США в СССР в 1952-1953 гг., после того, как он провел около четверти века на дипломатической службе, прожил многие годы в Европе (и, между прочим, был интернирован в Германии, когда США вступили в войну в конце 1941 г.). В течение нескольких лет Кеннан играл руководящую роль в том отделе Государственного департамента, который намечает главные линии американской

внешней политики. Более широким кругам он стал известен после ряда статей и докладов, в частности, после статьи об «Истоках советского поведения», за подписью «Икс», которая, быть может, впервые (это было в 1947 году) дала систематическую оценку послевоенной советской внешней политики и путей американского воздействия. С такой же простотой, ясностью и литературным мастерством, как и упомянутая статья, написана и настоящая работа: порой надо вдуматься, чтобы правильно оценить всю сложную, глубоко продуманную концепцию, скрывающуюся за, казалось бы, простой, но тщательно отшлифованной фразой.

Эти лекции, как и другие выступления Кеннана за последние годы¹, были подготовлены им в Научном Институте в Принстоне, где он поселился после того, как советское правительство потребовало его отозвания. Его пребывание в Советском Союзе было явно неудобно властям: он слишком много знал и понимал.

* * * *

За послевоенные годы появилось много книг об американской внешней политике. Как бы очнувшись в сознании своей новой мировой роли, Америка старается проверить как цели, так и смысл и технику своих взаимоотношений с другими державами. Это относится в частности к наиболее сложной задаче, которая стоит

¹ См. его доклады «Totalitarianism» («Тоталитаризм»), Harvard University Press, 1954 и «The Threat of Soviet Imperialism» («Угроза советского империализма»), Johns Hopkins Press, 1954.

перед сравнительно молодой и неопытной американской дипломатией: к ее отношениям с Советским Союзом.

Джордж Кеннан откровенно разбирает недостатки вашингтонской политики. Сознавая американскую неподготовленность, Кеннан в прошлом ищет причины теперешнего отсутствия «реализма» в американской внешней политике.

«Реализм» — это ключ к концепции Кеннана. Отвергая и оспаривая мифы и иллюзии, которые быть может, неизбежно, вырастают вокруг внешней политики, он ищет «реальностей». Не случайно, что и в настоящей книге «Проблемы внешней политики США» и в своей предыдущей «Американская дипломатия» (1951 г.), автор часто говорит о «пределах» данной политики и о «границах возможного» при той или иной тактике. Он скептически относится к обобщениям и остерегается «тотальных» ответов на большие вопросы, ибо «реальность» всегда оказывается более сложной и многогранной, чем доктрина.

Кеннан указывает на то, что во внешней политике США «сосуществуют» две как бы несовместимые концепции: одна — это отголоски примитивного и наивного прошлого; другая — это травматическая реакция на неожиданную «холодную войну». Действительно, было такое время, когда вся цель внешней политики молодых американских штатов состояла в обеспечении границ и помощи своим гражданам за рубежом — помощи, основанной на отжившей аксиоме, что деятельность любого гражданина самим своим фактом

служит благу его родной страны. Это была внешняя политика очень скромного масштаба — без идеологии, без миссии и без своей программы социальных реформ, которые Америка старалась бы навязать соседям.

В 19-м веке притупилось сознание фактора «силы» в американском понимании международных отношений; тут сказались разные причины — и фактическая изоляция Америки, и известный романтизм, и влияние викторианского века. Тогда казалось, что существенными были не силы и опасности, не могущество и слабость разных держав, а благородная поза «перед зеркалом нашего собственного незрелого самодлюбия». Исторически понятная и тогда еще позволительная роскошь, — эта незрелость в свою очередь породила то, что Кеннан называет «морально-правовым» подходом. Он выражается в тяге к всеобъемлющим идеалам, моральным шаблонам и сентенциям, а также и в склонности мерить другие народы американскими масштабами. В то же время, интерес к утопическим, а тем самым и неплототворным проектам формально-юридического характера, трата энергии на всякие соглашения о разоружении и арбитраже, договоры вроде пакта Келлога-Бриана, и тому подобные опыты, которые, несмотря на добрые намерения их инициаторов, неизбежно отвлекали внимание от «реальностей».

Кеннан не боится указать на то, что зачастую американское отношение к Объединенным Нациям страдает тем же пороком. Поиски математического, ме-

ханического большинства голосов да и попытки «разрешить» вопросы путем создания новых комиссий или обсуждения «вокруг круглого стола» — всё это отражает американскую неуверенность, недооценку собственного положения. С другой стороны, всё это является медвежьей услугой для Организации Объединенных Наций: на нее взваливают задачи, решить которые она явно не в силах. Причина кроется в непонимании «пределов возможного».

Наконец, справедливо указывает автор — Америка часто недоумевает, как это другие страны и народы могут мечтать о чем-либо ином, кроме узаконения и увековечения «статус кво». Быть может, такое отношение объясняется относительной «бесконфликтностью» американского общества; быть может, оно лишь — оборотная сторона легализма, ищущего решения проблем во внешних переменах, не задумываясь над экономическими и социальными запросами и нуждами народов, живущих в менее благоприятных условиях. И эта проекция американских понятий за границу — признак еще неразвитого международного чутья и понимания.

Дело, значит, не в том, чтобы слепо закрепить настоящие общественные и политические условия в мире, полном неравномерностей (не Ленин один о них писал) в экономическом развитии, технике, населении и уровне образования. Искусство политики должно состоять не в том, чтобы препятствовать переменам, а в том, чтобы найти способы провести эти перемены без повторных сотрясений всеобщего мира. Вместо

отживших свой век фетишей и пустых формул, вместо иллюзий и наивных надежд, нужна политическая гибкость в полном сознании слабых и сильных мест американской брони.

Гибкость, однако, не означает — да и не должна означать — сдачи принципиальных позиций. Джорджа Кеннана в прошлом немало критиковали за его будто бы отказ от понятия морали в международных отношениях. В данной книге он потому и возвращается к этой теме. Кеннан вовсе не проповедует беспринципной реалистической политики. Он настаивает на необходимости подготовить высококачественный дипломатический персонал, воспитанный в понимании демократии и в глубокой вере в ее принципы. Но он советует не судить цели, которые себе ставят другие народы, собственными моральными критериями, не осуждать свысока и не проповедывать вслепую.

Оборотная сторона той же медали — это готовность США не только учить, но и учиться, не только давать, но и принимать, это относится не только к новым товарам, но и к новым идеям. Мало того: Америка во имя своей же внешней политики нуждается в большей самодисциплине, целеустремленности и реализации заветов своей социальной совести.

Кеннан очень озабочен многими уродливыми явлениями во внутренней жизни Америки; им он посвятил недавно несколько докладов. В данной книге он требует более продуманного употребления естественных ресурсов, быстрой ликвидации старых трущоб, развития коммунального хозяйства. Он не верит в

«машину», как носительницу счастья; наоборот, он предостерегает от массового отупения, к которому может привести стандартизация коммерческого продукта, в частности, при содействии радио и телевидения. Он справедливо указывает на то, что «народы мира не склонны подчиняться водительству страны, которая в своем внутреннем развитии, на глазах у всех, пассивно влечется по течению, и притом в опасном направлении».

* * * *

Центральной проблемой американской дипломатии, естественно, является советская политика. Концентрация в одних руках всего военно-промышленного потенциала «Евразии» — тем более, если к СССР и Китаю добавить Германию — представляется «реалисту» Кеннану серьезной опасностью. Эта объективная — скажем, геополитическая — опасность становится тем более грозной, если Советская Россия управляется тоталитарной диктатурой, для которой, как это доказывает автор, вражда с внешним миром является необходимостью. Где бы ни искать истоки этой вражды — в большевистской ли диалектике, в кремлевском ли прогнозе «неизбежного» развития мировой истории, в опыте ли Гражданской войны и интервенции или считать ее продуктом искренней боязни или удачной пропаганды, мост между так называемым Западом и Россией не может быть построен без того, чтобы сама советская власть видоизменилась. Уж одно

сознание подсоветских масс, что где-то за границей есть свобода, неизбежно, как ржавчина, разъедает броню диктатуры. А отсюда следует, что и советская вражда к Западу, «отражающая глубокую историческую и политическую логику», не может быть устранена западными заверениями о благих намерениях и уважении. В дни преувеличенного оптимизма будет полезно перечитать строки Кеннана, где он советует своим соотечественникам: «По всем этим причинам мы должны признать советскую неприязнь за нечто, отвечающее глубокой исторической и политической логике; и мы не должны поддаваться наивной надежде, время от времени появляющейся в общественном мнении Запада, что эта враждебность может легко исчезнуть, как только некоторые из наших государственных деятелей сумеют лично понравиться советским вождям. Нет, эту враждебность не рассеет ни коктейль, ни рюмка водки».

В таком случае, какой же ответ дает бывший посол США на «русский вопрос»? (Автор иногда говорит о «русских» делах, когда имеет в виду «советские» — условное упрощение, которое не умаляет его сознания разницы между этими терминами). Принято считать Кеннана отцом политики «сдерживания» (containment), которую несколько лет тому назад оспаривали приверженцы так называемой политики «освобождения» (liberation). Нужно помнить, что в свое время формула Кеннана явилась переворотом в официальном американском мышлении. Что же касается спора двух течений, то автор в настоящих лекциях распутывает

чисто словесные узлы и убедительно доказывает, что «сдерживание» и «освобождение» вовсе не исключают друг друга. Первое — попытка предотвратить дальнейшую советскую экспансию — является предпосылкой для более или менее нормальных международных отношений. Последнее — это политика, целью которой является уменьшение советской сферы влияния, а это уж труднее достижимо.

Вопрос в том, что значит освобождение? Если вера в него покоится на ожидании народного бунта в условиях диктатуры, то такие надежды по меньшей мере наивны. А если «освобождение» должны принести американские штыки — и бомбы, — то Кеннан его отвергает. Читатель убедится, насколько вески доводы автора. Он и тут прибегает к своему излюбленному понятию «пределов», ибо есть пределы тому, чего могут добиться «тотальные» войны; и есть пределы тому, какие обязательства, какое бремя и ответственность за мнимое освобождение США могут — политически, материально и морально — взять на себя. Как Кеннан писал в своей первой книге, не существует «тотальной победы» в войне, кроме как путем радикального истребления целого народа (геноцид). Советский вопрос, по его убеждению, не поддается решению путем войны.

Среди разных путей, которыми может пойти развитие России, Кеннану представляется возможным сочетание внутренних и внешних сдвигов: ряд внутрисоветских перемен, которые произойдут в результате одновременного давления извне и изнутри. Такое со-

четание сил может, в конце концов, сдвинуть советскую систему с мертвой точки и приблизить к чему-то «более отвечающему требованиям международного равновесия, чем то, что мы до сих пор знали в советской системе». Вот в чем, очевидно, секрет тактики Кеннана: «Я могу представить себе, что в какой-то день советская власть отступит от своих сегодняшних позиций, подобно тому, как она это сделала в Финляндии, в Югославии и в северном Иране. Но я могу понять это событие лишь в том случае, если при этом престижу советской власти не будет нанесен сильный и резкий удар, если перемены будут совершаться постепенно и незаметно и будут вызваны внутренней необходимостью, коренящейся в структуре самой советской власти, а не внешним принуждением в виде угроз, ультиматумов и явных интриг, направленных из другого мира».

Автор подчеркивает, что в политических вопросах подход политика должен быть подходом садовника, а не механика: он должен выращивать то, что органически уже существует в природе, а не ломать и строить какие-то выдуманные механизмы на пустом месте.

Вникать в сущность — вот совет Кеннана. В нем есть нужда, ибо в обеих мировых войнах США смотрели на врага, как на какое-то чучело, после уничтожения которого можно будет спокойно идти домой со всеми иллюзиями «бесконфликтного мира». Не удивительно, что в таких условиях было уделено мало внимания советской политике во время последней

войны. «Энтузиазм и самогипноз» населения смешались с простым незнанием советских условий, с сознательным очковтирательством, и слепой верой, что «как-нибудь образуется». Именно поэтому послевоенный шок при пробуждении оказался столь резким. Не хотелось принимать за действительность те «события... на которые мы, американцы, дали свое благословение». Не хотелось смотреть в глаза новой опасности и осознать всю сложность «равновесия сил», или, вернее, отсутствия его.

Сейчас такое равновесие сил, очевидно, существует в большей мере, чем когда-либо за последние десять лет. И потому Америка может спокойно продумать все возможные аспекты «сосуществования». Для Кеннана не подлежит сомнению, что, независимо от системы власти, народы Советского Союза и США могут и должны дружно «сосуществовать». Как и дядя автора, известный старшему поколению русских читателей по своей замечательной книге «Сибирь и ссылка», так и сам Джордж Ф. Кеннан является искренним и верным другом русского народа².

В своей полемике против идеи превентивной войны автор указывает не только на патриотический подъем, возможный в Советском Союзе в случае нападения

² В этой связи нельзя не отметить, что до своего назначения в Москву, Д. Кеннан был председателем «Фонда Свободной России», впоследствии переименованного в «Восточно-Европейский Фонд». Свое вдумчивое и чуткое отношение к проблематике «грядущей России» он изложил в статье, переизданной «Новым журналом» в 1951 г. под заглавием «Америка и русское будущее».

извне, но и на чувство возмущения ужасной и неза-
служенной несправедливостью, которое такая война
посяла бы среди населения по отношению к амери-
канцам. При всём том, Кеннан требует, чтоб смягчение
внешнеполитического напряжения произошло не за
счет принципов и ценностей свободного мира и не за
счет будущей дружбы обоих народов.

Великие перемены требуют времени. Джордж Кен-
нан, несомненно, отказался бы ответить на вопрос о
сроках будущей эволюции советской власти, да и, ве-
роятно, несмотря ни на что, не исключил бы возмож-
ности военного столкновения. Кое-что он не догова-
ривает — либо по необходимости, либо умышленно.
Ясно одно: перемены «на той стороне» наступят тем
быстрее и, может быть, тем безболезненнее, чем ско-
рее «по эту сторону» боязливость, переменчивость
настроений и беззаботность уступят место непоколе-
бимой решимости отстаивать те принципы, во имя ко-
торых Джордж Кеннан — с большим тактом и с глу-
бокой убежденностью в их правде — призывает бо-
роться за спасение нашей цивилизации.

Александр Далли

Проблемы внешней политики США

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Лекции, опубликованные в этой книжке, были прочитаны мною в Принстонском университете в марте 1954 г. В то время я состоял членом Научного Института в Принстоне, что дало мне возможность посвятить свое время этой работе, равно как и другим академическим задачам. Предлагая эти лекции вниманию публики, я хотел бы при этом выразить мою признательность Фонду Рокфеллера и Научному Институту, помощь которых дала мне возможность посвятить это время академической работе.

Принстон, Нью-Джерсей

22 апреля 1954 г.

**1. ДВА ПЛАНА МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Эта серия лекций представляет собою попытку установить соотношение между современными проблемами нашей иностранной политики и теми основными реальностями внешнего мира, с которыми нашей политике приходится иметь дело, а также и с внутренней природой и задачами нашего общества. Я надеюсь, что, когда эта работа будет проделана, то мне удастся представить вам нечто, что может быть названо персональной философией иностранной политики.

Когда заходит речь о какой-то философии, то обычно нелегко бывает определить, с какой стороны подойти к ней. Но в случае иностранной политики нам облегчает задачу тот факт, что тут мы имеем дело с практической деятельностью — одной из функций правительства, притом длительной и непрерывной. Наши суждения и воззрения в этой области представляют собой результат, хотя, быть может, и неосознанный, длительного накопления исторического опыта. Я рискую здесь поддаться тенденции идеализировать прошлое Америки, к которой, боюсь, наше поколение вообще несколько склонно. Но мне кажется, что го-

сударственные деятели прошлого Америки имели лучшее, и во всяком случае более ясное, представление о том, к чему им вообще следовало стремиться при ведении государственных дел. И по этой причине я порой — когда современные проблемы начинают казаться слишком запутанными — нахожу полезным обернуться назад и посмотреть: в какие моменты нашей истории случалось, что наше сознание начинало расходиться с действительностью — что, повидимому, происходит у нас сейчас во многих отношениях — и как это тогда протекало, и как далеко нам надо вернуться назад, чтобы снова обрести утраченное соотношение между ними?

Поэтому я предполагаю посвятить сегодняшней вечер краткому историческому введению. Я должен просить вашего снисхождения, если это покажется вам несколько сложным и медлительным подходом к жгучим проблемам, обсуждение которых вас без сомнения интересует; но мы придем к ним еще во-время: смею вас уверить, что, когда мы дойдем до них, они всё еще будут ожидать нас, всё столь же животрепещущие. Ни одна из них, повидимому, не будет разрешена за это время.

Я предложил бы начать наше обсуждение с одной теоретической установки, которая, как мне кажется, часто упускается из виду американским мышлением. Дело в следующем: иностранные сношения не должны рассматриваться как самоцель для политического объединения, а в особенности для демократического общества, но скорее, как одно из средств к достиже-

нию более возвышенной и более содержательной цели. Иными словами: политическое объединение живет не для того, чтобы вести иностранную политику; вернее было бы сказать наоборот — оно ведет иностранную политику, чтобы жить. Несомненно, наиболее существенное и важное в жизни нашего государства — это не то, как мы ведем себя с другими нациями, а то, что происходит именно здесь, среди нас, на территории Америки, за которую мы ответственны. Наша иностранная политика — это лишь средство к достижению конечной цели. А эта цель состоит в совокупности главных задач американской нации.

Каковы же эти задачи? Почему мы поддерживаем на территории Северной Америки политический организм, обособленный от всех прочих, и почему мы проявляем в отношении к нему такую любовь, верность и гордость? Какой целью вызываются и оправдываются эти чувства? Только ли обычным стремлением обеспечить сохранение порядка среди жителей нашей территории? Или тут есть нечто большее?

Я думаю, что есть. Если мы взглянем пристально в другие суверенные объединения, как в прошлом, так и современные, то, я думаю, мы увидим, что каждое из них имело какую-то высшую цель, маячившую им издали, из-за пределов будничной административной рутины; цель, которой, повидимому, была подчинена и посвящена вся политическая жизнь объединения, цель, которая оправдывала самое существование этого объединения. Пусть эта цель часто бывала неясной, туманно выраженной; пусть в иные моменты

она лишь смутно ощущалась, не будучи даже вполне осознанной; пусть временами она подавлялась и даже забывалась на время под гнетом внешней острой опасности. Но мне думается, что она всё же никогда не исчезала. Иногда она принимала форму прославления династии и стремления к увеличению ее престижа и мощи. В других случаях, как например, у некоторых древних, теперь уже исчезнувших народов, это был культ национального существования, сохранения национального лица и образа жизни. В случае национал-социалистической Германии это было развитие военной мощи народа в целях его самоутверждения, а также завоевание и покорение других наций, как своего рода упражнение в воинской доблести. В Советском Союзе это проводилось под флагом определенной социальной теории ради облегчения и ускорения предполагаемого естественного процесса, который, якобы, должен привести к тому, что социальный строй, основанный на этой теории, утвердится во всём мире.

Как видите, во всём этом не было единообразия, не было общепринятого универсального шаблона. Всё это было только естественно. Если бы в каждом отдельном случае не было особых, индивидуальных целей и задач, то не было бы вообще оснований для существования отдельных государств. Всюду, где объединяющая цель успела овладеть волей группы государств, как в случае 13 штатов в Северной Америке, или там, где какой-то завоеватель успевал стать господствующей военной и политической силой на об-

ширной территории — там всюду тенденция к политическому объединению побеждала, а обаяние самостоятельности таяло, и оставалась лишь видимость ее, как у сателлитов СССР.

Каково же было историческое предназначение нашей страны? Что, по вашему мнению, предстояло нам выполнить? Для чего мы создавали свою нацию, особую от всех остальных?

Если мы обратимся к прошлому, к мысли наших праотцов, основателей нашей нации, которые и были людьми, взявшими на себя ответственность за создание Соединенных Штатов, то мы увидим, что самостоятельное государство мыслилось ими, как средство обеспечить каждому индивидуальному члену его пользование известными правами — на жизнь, свободу, стремление к счастью — согласно Декларации Независимости; но также, самое главное, — право иметь собственность и распоряжаться ею. У них было ощущение, что эти права являются единственными, какие Творец даровал людям. Считалось естественным, справедливым и полезным, чтобы людям дана была возможность пользоваться этими правами. Многие в то время почувствовали, что Англия уже не в состоянии обеспечить эти права обитателям Северо-Американских колоний. И вот для того, чтобы пользование этими правами могло быть полностью обеспечено, наши прадеды решили, как мы помним, выйти из состояния подданства короне короля Георга III и образовать собственное государство, как новую нацию.

Обратите внимание на то, что эта теория вовсе

не рассматривала государство, как самоцель. Ему не навязывалась роль носителя какой-то конкретной социальной программы. Поскольку я могу судить, наши предки считали, что максимальный прогресс, доступный в условиях человеческого бытия, может быть осуществлен лишь после того, как людям будет предоставлена максимально возможная свобода к достижению своих интересов и счастья, каждому своим путем. Тогда верили, что каждый гражданин сам лучше всего знает и понимает свои интересы; стремясь к осуществлению их, как он сам их понимает, он достигает определенных благ для себя и своей семьи; и общая сумма всех таких мелких частных достижений составит то, что определяется, как «наибольшее счастье наибольшего числа людей», и будет, очевидно, наиболее соответствовать интересам всего общества в целом.

Ясно, что такая теория не считала государство источником непосредственного улучшения человеческой жизни. Прогресс не представлялся ей, как результат проявления политической власти одних людей над другими. Фактически политическая власть рассматривалась лишь как сторож при естественных процессах, из которых проистекают блага цивилизации. Роль государства сводилась главным образом к функциям благожелательного сторожевого пса.

Я говорю «главным образом». Совершенно ясно, что этот принцип *laissez faire** никогда не мог приме-

* Невмешательство, предоставление свободы.

няться в чистом виде. Государство, даже выполняющее лишь функции сторожевого пса, не могло позволить себе оставаться бесстрастным и пассивным зрителем происходящего. Оно неизбежно должно было принимать на себя некоторую часть ответственности за результаты. Ведь оно состояло из людей, граждан, как и все мы, занятых важными делами, выполняющих ответственные обязанности. Способ, каким они их выполняли, не мог остаться без влияния на ход развития всей страны. Таким образом уже с самого начала было общепризнано, что, хотя государство, конечно, и должно играть некоторую роль в формировании судьбы нации, но что роль эта бесспорно является второстепенной.

С течением времени взгляд этот приобрел значение твердо установленной американской доктрины. Полвека тому назад президент Вудро Вильсон учил в аудиториях этого университета, что «задачей государства является содействие организованному обществу в достижении его целей». Заметьте: он не говорил, что государство должно монополизировать достижение этих целей; он даже не говорил, что государству принадлежит ведущая роль в этом процессе. Наоборот, он энергично подчеркивал точку зрения, что государство не должно «превращаться в мудрую няньку для каждого члена политического объединения». И он видел будущее общества в «бесконечном индивидуальном разнообразии, в возможно более свободной игре индивидуальных сил».

Конечно, в жизни Америки произошло много пе-

ремен, и как раз после эпохи Вильсона. Обстоятельства заставили Федеральное правительство играть гораздо более крупную роль в определении линии развития нашей нации, чем предполагал Вильсон, когда он писал эти слова. В частности, государство приобрело особое значение в процессе создания крупных финансовых и экономических ценностей и волей-неволей стало крупнейшим фактором нашей экономической жизни и в особенности в том процессе, который мы могли бы назвать «метаболизмом (обменом веществ) нашей национальной экономики».

Но я хотел бы подчеркнуть тот, весьма существенный с точки зрения иностранной политики факт, что основные условия развития нашего общества, а именно то, что некоторые основные процессы представлены самим себе, причем функции государства сводятся лишь к охране и помощи, — что эта черта осталась неизменной. Огромные и важнейшие области нашей жизни всё ещё остаются вне сферы влияния государства и подчинены почти исключительно законам свободной частной конкуренции. Я здесь имею ввиду главным образом крупные процессы технического прогресса, которые так мощно влияют на нашу жизнь. Наше государство почти не вмешивается в творческие процессы новой техники, и в особенности в методы ее внедрения в нашу жизнь. Такие достижения техники, как автомобиль, телефон, радио, телевидение — были созданы без плана и не предназначались сознательно для введения их в жизнь общества. И однако это развитие привело к созданию

новых весьма важных сил, характеризующих нашу эпоху, определяющих стиль нашей жизни, наши общественные отношения, связь между нашей частной жизнью и нашей работой, и, наконец, даже влияющих на характер нашего образования и воспитания наших детей. Из внимания ко всем этим силам закон *laissez faire* в принципе еще признается действующим. Если бы завтра появился кто-нибудь, как, может быть, и случится, — с новыми измышлениями, столь же губительными для нашей личной жизни, как и те, недавние, — то мы подчинились бы ему безропотно, и сделали бы это потому, что основной принцип Америки в прошлом и в настоящем гласит, что такие пути развития допустимы.

Из такого представления о целях американского общества вытекают, как мне кажется, некоторые логические заключения о нашей иностранной политике; и эти заключения, по-моему, в значительной степени совпадают с теми, к каким пришли первые государственные люди Америки. Для тех людей вся проблема иностранной политики сводилась просто к одному вопросу: как использовать наши сношения с другими нациями для содействия достижению этих индивидуальных целей?

Первый и очевидный ответ был: надо охранять физическую неприкосновенность нашей национальной жизни от всякого внешнего военного или политического вторжения; иными словами, надо заботиться о национальной безопасности, ибо только при отсутствии враждебного иностранного вмешательства мог-

ли упомянутые процессы, в благотворность которых мы верили, получить полную свободу развития.

Второе: было очевидно, что поскольку деятельность наших граждан в их личных интересах выходила за пределы нашего государства и переносилась во внешний мир, постольку надо было принимать все возможные меры для помощи этим гражданам, для защиты их во вне. Таким образом наше государство быстро нашло для себя и удержало за собой до сегодня естественное и важное поле деятельности: оно заботилось о том, чтобы американцы, занятые за границей своей частной деятельностью всякого рода, получали максимальную помощь и защиту, какие только мы могли оказать им. Благодаря этому в понятие «иностранных дел» включилось много посторонних элементов. Сюда входили и торговая политика, и торговые договоры, и покровительство американскому судоходству, и тысяча иных функций, перечислением которых я не буду вас утомлять. Все эти дела еще и сегодня составляют главную часть нашей консульской службы за границей.

Характерно, что, стараясь поддерживать американцев в их частной деятельности за границей, наше правительство обычно исходило из теории, что такого рода деятельность всегда была в интересах США, как нации. Как правило, мы при этом не заботились проверить — чем, собственно, эти американцы занимаются за границей и поскольку такое их занятие желательно с точки зрения национальных интересов? Это было совершенно логично, ибо, как вы помните,

служение личным интересам было принято нашими праотцами, основателями государства, и одобрено, как таковое; государство брало его под защиту, нимало не заботясь о характере и достоинстве предприятия. Здесь мы снова имеем дело с одним из допущений, к которому нам придется вернуться в дальнейшем.

Важно отметить, что эти две функции — обеспечение национальной безопасности и поддержка частной деятельности американцев за границей — это было и всё, что в сущности вытекало прямо и логически из первоначальных задач американской нации. Если вы приняли их, и только их, как основные задания в программе наших заграничных дел, то вы остаетесь при очень скромной и ограниченной политике. В ее поле зрения входят лишь определенные и ограниченные цели, требующие только охраны жизненных процессов нашей страны. В такой политике нет места для международной помощи, для широких замыслов и высоких целей, для таких категорий, как моральное превосходство или неполноценность по сравнению с другими нациями. Так как при таком понимании задач развитие американской нации являлось в сущности экспериментом, ставкой, если хотите, на то, что известные процессы дадут благоприятные результаты, если им будет предоставлена возможность саморазвития, — то тут не было места для каких-либо мессианских тенденций, или для какой-то веры в какую-то свою идеологию, дающую ответы на все чужие проблемы.

Мы не были подобны русским: мы не выступали с готовыми рецептами социальных реформ, мы не навязывали их всем и каждому, как панацею от всех зол. У нас просто были некоторые убеждения относительно нашего собственного «мира». Мы были заинтересованы в том, чтобы мы могли прорабатывать эти наши убеждения без помехи. Нам хотелось бы, чтобы наше иностранное окружение относилось по возможности благосклонно к этому процессу. Мы вели нашу иностранную политику к этой цели. И это было всё.

С другой стороны, такой подход к делу не исключал бдительного, настороженного внимания к подлинным основам нашей национальной безопасности. Пристально и хладнокровно следили мы за иностранным миром — как когда-то следил Джордж Вашингтон, — чтобы во-время обнаружить очаги возможной опасности, а затем в нужный момент быстрыми и решительными действиями предотвратить их развитие. Поэтому нам нечего стыдиться того, что мы признаем реальность силы и откровенно пускаем ее в ход, когда дело идет о судьбе и целостности нашей нации.

Наоборот, государственные люди Америки в начале 19-го века обращались очень свободно и уверенно с реальными силами. Они полагали — и вполне правильно, — что европейские державы не питают ни особой любви к нам, ни особого уважения к ценностям нашего маленького мирка, что они вообще не придают большого значения нашему существованию и процветанию, как отдельного государства. Наши де-

ятели, в сущности, опасались европейских интриг в Новом Свете. Они энергично сдерживали европейские державы в их территориальных притязаниях в Америке. Они продолжали — без особых угрызений совести — расширять наши владения к западу вплоть до Тихого океана, во избежание захвата этих территорий европейскими державами. Они всячески поощряли ослабление и разрыв политических связей между людьми Америки и Европой; и они добились того, что Америка поддерживала этот разрыв всюду, где он случался. Всё это вызывалось соображениями силы и безопасности; но в этом не было в то время ни злого умысла, ни макиавеллизма, ни цинизма. Это было лишь естественным ответом на очевидные и логичные требования, вытекавшие из нашей ситуации.

Если бы мы сумели лучше уяснить себе и тверже запомнить эти простые основные задачи нашей политики, то, я думаю, у нас было бы гораздо меньше затруднений впоследствии, когда мы столкнулись с проблемами 20-го века.

Но, к несчастью, в течение 19-го века представление о роли фактора силы в системе международных сношений, повидимому, постепенно исчезало из сознания американцев. Возможно, что это было вполне естественно и даже неизбежно. Победа Англии в конце наполеоновских войн положила конец долгому периоду смут в Европе, совпавшему с детством нашей страны. И она создала для нас щит британской морской мощи, который был настолько надежен, что многие из нас, в конце концов, забыли о его существовании.

Округление нашей территории на континенте Америки фактически положило конец проблеме дальнейших серьезных вторжений европейцев поблизости от наших владений. За исключением короткой интермедии Наполеона III и его авантюры в Мексике во время нашей Гражданской войны, — иных серьезных угроз доктрине Монро не было. Все эти факты привели к тому, что в сознании нашего народа представление о балансе сил постепенно тускнело и притуплялось.

И когда это представление почти исчезло из памяти американцев, то они, повидимому, вообще утратили ощущение реальности в области иностранной политики. Положение вещей, строго вытекавшее из целей, поставленных себе нашим обществом в их первоначальном понимании, теперь перестало удовлетворять американцев. Здесь, как и в других областях, овладел ими дух романтики. Ведь все они были детьми Викторианской эпохи, склонной во всех областях жизни к причудливому, туманному и расплывчатому перспективам. Они предпочитали витиеватую, претенциозную, не-функциональную архитектуру, пересобремененную украшениями; и я очень опасюсь, что в своих государственных людях они точно также ценили в первую очередь импозантность, а не деловитость — внешность была для них важнее, чем внутренние качества. Это была пора, когда мы, американцы, уже не довольствовались тем, чтобы *быть* чем-то или кем-то: нам теперь важнее было *казаться* чем-то — чем-то возвышенным, благородным, исполненным мирового значения. И для этого нашего национального эгоцентризма было край-

не характерным, что мы им щеголяли главным образом перед самими собой, перед зеркалом нашего юношеского самодовольства, а не перед другими нациями.

Таким образом государственные люди Америки всё больше стали увлекаться тем, что я назвал бы «американской мечтой». Это была мечта, отмеченная известной, если хотите, невинностью. Ей были чужды какие бы то ни было недобрые умыслы; но, подобно каждой невинности, она обладала доброй долей наивности — что уже было менее привлекательно. Она была в высшей степени субъективна. В то время мы были вполне удовлетворены нашими границами; и мы благодушно представляли себе внешний мир подобным нашему, а иные народы — столь же удовлетворенными своими границами, как и мы сами. Раз все были довольны, то главная проблема всеобщего мира сводилась — как нам казалось — к созданию прочной системы договорных обязательств, скрепляющих и закрепляющих на веки веков это счастливое «статус кво», этот конечный результат человеческого прогресса. Если такая система будет введена, то, казалось, опасные конфликты международной политики перестанут угрожать всеобщему миру. Ибо тогда всё будет заранее предусмотрено; на каждый «экстренный» случай будет заранее припасено законное или договорное мероприятие. Таким образом проблемы будут решаться не под давлением опасной ситуации данного момента, но точно, автоматически, на основе общих норм поведения государства, принятых заранее.

Всё, что требовалось, был твердый остов, каркас,

и для его сооружения мы, американцы, были отлично подготовлены. Разве не обладали мы, единственные из всех, необходимым опытом? Разве наша конституция не являлась тем самым остовом, который устранял столкновения между отдельными штатами? Наш национальный гений, наше чувство достоинства, наша готовность к компромиссу, наше уважение к закону, наша прямота и честность — разве не эти качества создали на нашем континенте нацию, беспрецедентную по отсутствию в ней внутренних конфликтов и насилий, и единственную по своему жизнерадостному оптимистическому характеру и мировоззрению? Правда, у нас был один прискорбный эпизод — Гражданская война, но это было нашим внутренним делом, и это уже в прошлом. Ход прогресса был затем восстановлен. Почему бы и прочему миру не устроить себе с нашей помощью жизнь без насилия? В этом направлении мы всегда вели себя благожелательно, готовые оказать помощь остальным народам мира; и наш опыт теперь, наконец, признан пригодным для всего мира, наши достоинства не ограничены больше пределами Америки, они становятся достоянием всего мира.

Такова была «американская мечта». Я не собираюсь ее высмеивать. Я не отрицаю, что в ней было много подлинного великодушия, мужества и, быть может, даже прозрения далекого будущего. Она была не чужда тому миру, которому она предназначалась, и она не чужда и нашему сегодняшнему миру. Там, где народы вполне примирились с существованием своих соседей, со своими границами, со своим поло-

жением в мире, и где взаимоотношения не слишком омрачены скрытыми политическими осложнениями, — там всегда возможно установить такую систему легальных взаимобязанностей, которая не допустит превращения мелких разногласий в крупные раздоры.

Но никогда нельзя забывать о естественных границах в применении этих принципов, а главное, нельзя смотреть на них, как на замену дипломатии, как на волшебный ключ ко всеобщему миру. А именно этим грешило большинство американцев — и даже некоторые видные государственные деятели Америки. И в результате, в течение нескольких десятков лет эти деятели были поглощены составлением проектов, совершенно утопических по своей природе и явно лишенных всякого практического смысла; и в то же время внимание американской публики было поглощено этими бесплодными усилиями.

Наиболее обширным и разработанным из этих проектов был план широкой сети договоров об арбитраже и о примирениях. Тут я не хотел бы быть неправильно понятым. Я не говорю, что не было почвы для арбитража. Почва была. Был полезный и важный план улаживания известного рода споров при известных специфических условиях. Но многие американцы были склонны чрезмерно прославлять принцип арбитража, раздувать его до крайности, слишком многого ожидать от него. Здесь ошибка была — как и большинство ошибок американских политиков — не в самой идее, а в чрезмерном раздувании ее. И в результате этого увлечения правительство США в период между 1900 и

1930 гг. подписало и ратифицировало не менее, как 97 международных соглашений на тему арбитража и примирений и, кроме того, обсуждало еще большее число проектов соглашений, которые, по тем или иным причинам, никогда не были заключены. Из 97 подписанных соглашений было 7 многосторонних, остальные — двухсторонние. Время, хлопоты и переписка, затраченные на заключение этих соглашений, были колоссальны. Однако, поскольку я могу установить, только два из этих договоров были применены на деле. Только два спора были действительно разрешены арбитражем на основе этих соглашений; и нет никаких оснований полагать, что эти два спора не были бы решены иным путем, на основе специального соглашения, если бы этих общих договоров и вовсе не было. Остальные 95 договоров, в том числе те, в заключении которых принимали участие государственные секретари¹ Брайан, Келлог и Стимсон, повидимому, остались совершенно бесплодными, не дав никаких практических результатов. Нет никаких указаний на то, что этот Сизифов труд имел хоть малейшее влияние на развитие страшных войн и катастроф, ознаменовавших собою первую половину нашего столетия.

Второй волной утопического творчества, надолго захватившей государственных людей Америки, была попытка достигнуть многостороннего соглашения о разоружении, в частности, среди великих держав Ев-

¹ Министры иностранных дел.

ропы. Наше собственное участие в этом проявилось, конечно, главным образом в области морского вооружения, но мы принимали также активное участие и в обсуждении вопросов общего разоружения, происходивших в Женеве под покровительством Лиги Наций в течение 10 лет — от 1925 по 1935 г.

Здесь опять цель была вполне почтенной. И если все усилия здесь, как и в деле арбитража, снова оказались тщетными и привели только к огромной затрате времени впустую, то вина ни в коем случае не была только нашей: другие державы, в особенности, Франция и Великобритания, ответственны еще в большей степени.

Фактически, уже за много лет до того, как начались эти обсуждения, некоторые компетентные люди указывали, что вооружения являются скорее лишь симптомом, чем причиной; они прежде всего — отражение международных осложнений, и лишь вторично — сами усиливают их. Я не вижу причин, почему это именно в 1925 году все должны были вдруг поверить в то, что можно достигнуть всеобщего разоружения путем соглашения европейских держав, тогда как на деле их взаимные расхождения и подозрения еще никак не были улажены. В то время понять реальные основания, заставляющие нации поддерживать свои вооружения, было ничуть не труднее, чем сейчас. На эти реальные основания неоднократно обращали общественное внимание вдумчивые писатели.

И тем не менее громадные усилия были затрачены на бесплодные дискуссии в Женеве. Протоколы сове-

щаний занимают около 30.000 страниц. Около 500 официальных документов — каждый из которых являлся плодом длительных совещаний, писаний и переделок — вошли в доклад, представленный подготовительной комиссии по разоружению; и это было только началом! И как раз в то время, как велась эта муравьиная работа, Веймарская Германия разлагалась самым плачевным образом, уступая место нездоровому национал-социализму. На сцене мировой истории появились новые политические реальности, которые вскоре затем начисто смели с этой сцены всю проделанную перед тем работу, как будто ее никогда и не было.

И не забудем также и Пакта Келлога — одного из самых странных и причудливых эпизодов в истории современной дипломатии. Был момент, когда соперничающие в нашей стране группы благомыслящих энтузиастов мира сумели поставить двух министров иностранных дел — француза Аристиды Бриана и американца Франка Келлога — в затруднительное положение, из которого последний не мог найти лучшего выхода, как вовлечь все нации мира в одну из самых бессмысленных и пустых международных затей. В течение нескольких месяцев два незадачливых политика вели между собою публичную полемику, чтобы выяснить, кто из них сулит сделать больше для всеобщего мира, не принося при этом в жертву существенных интересов своей нации. Эти переговоры снова повлекли за собой огромную затрату энергии. Надежды и ожидания, связанные с этим проектом, искусственно раздувались до огромных размеров.

Миллионы людей поверили в это совершенно серьезно. Подписание договора в Зале Часов на Кэ д'Орсэй² явилось самой импозантной международной церемонией за весь период между двух войн. И однако, и этот договор оказался, как и следовало ожидать, совершенно бесплодным. Когда, 12 лет спустя, разразилась Вторая мировая война, то в наставшей суматохе о Парижском пакте никто даже и не вспомнил.

Вред этого увлечения утопиями заключался не только в бесплодной потере времени, в неуместном энтузиазме, в раздувании несбыточных надежд. Наибольшее зло было в том, что эти затеи отвлекали наше внимание от реальных событий, происходивших в то время. Это состояние «увлечения» длилось, начиная с Испано-американской войны и кончая Первой мировой войной. Крупные события происходили за это время. Пока обсуждалась первая серия арбитражных договоров, русский флот продвигался вокруг берегов Африки на Восток, к Цусиме, месту своей гибели. Когда в 1907-09 гг. Элихью Рут занимался частью этих договоров, — возникла Англо-Русская Антанта, а «концерт держав», занятый решением балканской проблемы, постепенно рассыпался и между Англией и Германией нарастало напряжение из-за морской программы немцев. Брайан в свою очередь занялся договорами об арбитраже и примирениях как раз накануне Первой мировой войны; и в течение первых месяцев войны наши дипломаты в Европе всё

² Министерство иностранных дел в Париже, 1927 г.

еще настойчиво хватали за рукава растерянных министров иностранных дел европейских держав, пытаясь обратить их внимание на эти потерявшие всякое значение документы, в то время, как военные прожекторы уже пронизывали всю Европу и уже заговорили орудия, начиная эпоху самой страшной и трагической из всех войн.

Я мог бы привести дальнейшие примеры того же рода, но я уверен, что это излишне. Связь вполне ясна. Увлечение этими утопическими схемами, тешившими наше самолюбие, стоило нам слишком дорого: мы утратили чувство реальности. И когда суровые факты военного столкновения держав, в конце концов, предстали непосредственно перед нами самими в виде врагов, с которыми нам пришлось бороться в двух великих войнах, то мы не сумели постигнуть связи между этими событиями и логикой истории нашей эпохи, потому что мы плохо понимали эту эпоху. Эти враги появились перед нами в аспекте чудовищ, возникших внезапно из пустоты, как бы вызванные силами черной магии. Мы обманывали сами себя надеждой, что от этих врагов можно навсегда избавиться путем военной победы, как от злых духов заклинанием; и тогда от них ничего не останется, и наш мир будет вновь восстановлен для нас, как если бы этих врагов никогда и не было. Нам трудно было постигнуть, что эти враги были следствием глубоких причин, которые могли быть лишь частично отстранены, но в некоторых случаях могли быть еще и отягчены благодаря несчастьям войны и внезапной

утрате равновесия духовных сил нации, сказывающейся в таких случаях, как тотальная победа и безоговорочная капитуляция.

Только таким путем, я думаю, можно объяснить тот факт, что в течение Второй мировой войны многие американцы могли так глубоко ошибаться, рисуя себе перспективы мирного существования по окончании военных действий, и что так мало было людей, подготовленных к тому, что на деле оказалось послевоенной реальностью. В конце концов, эта лелеемая мечта о мирном существовании без конфликтов, когда после изгнания злых духов мы, американцы, сможем, наконец, проявить свои способности в мирной организации, — эта мечта продолжала владеть многими из нас безраздельно в течение всей войны и в особенности в первое время по ее окончании. Единственное различие было в том, что место бывшего арбитража теперь заняли «многосторонние договоры», или «разоружение» или любой иной лозунг, ведущий ко всеобщему миру. Теперь мы собирались осчастливить мир тысячью благодеяний при помощи международных организаций, предпочтительно в мировом масштабе, начиная с I. Т. О. (Международная Организация Труда) и I. М. Ф. (Международный Денежный Фонд) и кончая ЮНЕСКО (Воспитательная, Научная, Культурная Организация при Объединенных Нациях) — все организации, предназначенные к тому, чтобы попытаться осуществить в наше время нечто вроде того мира, о котором мы мечтали. Все эти организации были основаны на вере в то, что мрачные тучи

насилия и агрессии, обложившие горизонт нашего мира с 1938 по 1945 гг., были лишь продуктом злой воли немногих личностей и что они рассеются с изгнанием этих людей со сцены нашей современности.

И как раз посреди этой блаженной иллюзии многие американцы впервые осознали природу того, что теперь принято называть «русской угрозой». Правда, большевики пришли к власти еще за 20 лет до Второй мировой войны; но это не оказало заметного влияния на наше суждение о роли силы в международных делах. В 20-х годах московские коммунисты казались воспитанному англо-саксонскому обществу только кучкой крайне невоспитанных людей — бородатых анархистов и экстремистов с бомбами в руках, заблуждающихся, движимых ложными мотивами, людей, которые вряд ли долго удержатся у власти и, в конце концов, несомненно понесут наказание за свое дерзкое восстание. Тот факт, что они пережили кризис коллективизации и первую пятилетку в начале 30-х гг., а также одновременная экономическая депрессия, постигшая Западный мир, — внесли, конечно, некоторое изменение во взгляды многих американцев. Устойчивость советской системы больше уже не вызвала серьезных сомнений. Во многих умах скептицизм сменился некоторой тайной завистью к советскому правительству, к его широким правам в области экономических процессов, где мы испытывали такие затруднения. Президент Рузвельт и его сотрудники находили снисходительные и успокаивающие объяснения поведению Советского Союза.

По существу, — говорили они, — советские лидеры не отличаются от остальных людей. Если они иногда ведут себя плохо, то это потому, что другие к ним относились не так, как следует; это потому, что французы, англичане и наши собственные республиканцы их третировали и унижали в первые годы их власти и сделали их мнительными и обидчивыми. Немножко целительного бальзама на раненые сердца, немножко вежливого обхождения, немножко доверия в форме допущения их на совещания с союзниками — и всё будет в порядке.

Во всём этом, как вы видите, было еще слишком мало оценки советской силы, как реальной угрозы для нас в геополитическом смысле. Наоборот, в 30-х гг. была неизменно надежда, что советские лидеры могут быть привлечены к некоторому сотрудничеству, не только негативному — для разрушения фантома гитлеризма, но даже и конструктивному, для построения нового светлого мира, в который мы, американцы, так верили. Москва искусно играла на этих иллюзиях в своей политике 30-х гг.: отсюда ее вступление в Лигу Наций, ее речи о неделимости мира, ее внезапное моральное возмущение тоталитарными эксцессами национал-социализма. Конечно, здесь, с другой стороны, был также и шок, вызванный в западном мире первоначальным отношением Москвы ко Второй мировой войне: пакт с Гитлером, раздел Польши, нападение на Финляндию, циничный захват Балтийских стран. Эти акты вызывали раздражение и беспокойство в либеральных умах Запада; но их действие не

было длительным. Когда Перл-Харбор и его последствия внезапно смели всё это в сторону и обратили нас в подлинного союзника Москвы в борьбе против Гитлера, и когда необычайная склонность Америки к энтузиазму и самогипнозу была направлена на создание образа сталинской России, как серьезного, искреннего партнера в поисках нового мира, где мы могли бы сосуществовать, — то в умах огромного большинства американцев последние сомнения рассеялись. Теперь уже не осталось никаких вопросов по существу: Россия больше не была проблемой с точки зрения соотношения сил в будущем мире. Единственным вопросом было: как лучше наладить это наше чудесное сотрудничество в мирное время так, чтобы мы — две великие континентальные державы, столь сходные по географии и природным ресурсам, столь сходные (как многие тогда думали) в их истории и мировоззрении, — могли идти рука об руку навстречу лучезарным перспективам мирного будущего всего мира?

И вот на этом безоблачном фоне многие американцы внезапно обнаружили страшную реальность послевоенного мира: тот факт, что этого серьезного, честного нашего партнера вовсе нет, что, вместо него, перед нами что-то совсем другое — снова одно из этих огромных, неведомых чудовищ, более страшное, чем все предыдущие; оно сидит, охватив своими лапами сокровища полумира и поверженные народы Восточной Европы и Китая и загадочно ухмыляется в нашу сторону. Подобное идолу или прищельцу из

иного мира, недоступное нашим словам и доводам разума, — оно занято одним помыслом, одной целью: нашей погибелью!

И тут многим впервые внезапно пришло на ум: какая страшная опасность для нас может скрываться в комбинации громадных физических ресурсов Европы и Азии с враждебной нам политической властью! Народ Америки сразу вспомнил известную истину, что комбинация материальных ресурсов и живой силы России и Китая с техническим знанием и машинной индустрией Германии и Восточной Европы может создать военную силу более могущественную, чем всё, что могло бы быть выставлено против нее всем остальным миром; и теперь эта комбинация находится на пути к осуществлению! Когда мы спросили себя: каким же образом такое положение могло создаться? — мы вынуждены были признать, что поскольку дело идет о территории Европы, то события, которые привели к этой ситуации, произошли с нашего, американцев, благословения, так как мы стремились к поражению Гитлера. И когда наши люди спросили себя: что же может теперь быть сделано для исправления общей ситуации? — они вынуждены были признать, что каждое сильное лекарство вызовет самые серьезные затруднения и осложнения.

В довершение всего появились новые страшные реальности: атомная бомба, бомбардировщики дальнего действия и автоматически управляемые летательные снаряды. С появлением этих новых родов оружия, традиционные основы безопасности Америки

— наша географическая удаленность, наши охранители-океаны, обширность нашей территории, мощь нашей экономики, — всё это, повидимому, рассыпалось в прах, одно за другим, подобно тому, как в фильме могучие стены библейского города на наших глазах грузно оседают и распадаются на куски. И вместо того перед нами внезапно встает грозное видение нового мира, располагающего совсем новыми реальными силами. Эти новые силы бесконечно превосходят по своему значению оружие старого мира, где статистика военной силы казалась нам *единственным* мерилom для сравнения, *единственным* языком для международного общения. С глазами, прикованными к России, замороженные, как птичка взглядом змеи, чудовищными дилеммами атомной энергии, — многие американцы теперь целиком ушли в новые подсчеты сил вплоть до того, что они не терпят никакого разговора о международных делах, если он касается иной темы; они отвергают все прочие проблемы, как нечто легкомысленное, вроде игры на скрипке в то время, как Рим — их Рим западной цивилизации! — горит на наших глазах.

И однако, несмотря на всё это, тот самый мир всё еще здесь, хорошо нам знакомый мир, тот, что не пугал нас, не грозил нам гибелью. Он не перестал существовать, хотя русская проблема нам и стала теперь ясна. Есть еще на земле страны, где живут народы, которые не скалят зубы на нас, как злобные кровожадные чудовища. Есть еще государства, вполне мирящиеся с нашим дальнейшим существованием и

благополучием. Есть еще люди, готовые разрабатывать вместе с нами новые идеи и формы мирного сосуществования наций, более плодотворного, более устойчивого, более благодетельного для всех нас. Наряду со всеми кошмарами послевоенных лет, нужды этого другого мира продолжают заботить нас, требуют от нас внимания и своей доли из фондов нашей иностранной политики. Ведь, в конце концов, это мир, с которым наши традиционные отношения еще не порваны, каковы бы они ни были сами по себе.

В результате такого раздвоения американское политическое мышление в послевоенное время было поражено своего рода шизофренией, расщеплением мысли и воли. Оно действовало в двух различных планах, совершенно изолированных друг от друга и, повидимому, даже не имевших ничего общего между собою. Мы оказались живущими в двух различных мирах: один — здоровый и разумный, где мы чувствовали себя спокойно и уверенно, где мы были окружены людьми, к которым мы привыкли и на чью реакцию мы могли по крайней мере положиться; и другой мир — кошмарный, где мы были на положении травмированных зверей, охваченные одной мыслью, одним стремлением — уцелеть, напрягая каждый нерв и мускул в усилиях остаться в живых.

В одном из этих миров всё еще действуют старые традиционные понятия и нормы, там мы еще можем, повидимому, следовать путем нашей американской грезы. В другом мире царил лишь один закон — закон джунглей; и нам теперь даже прихо-

дится нарушить наш традиционный принцип — так по крайней мере многим кажется — и готовиться к беспощадной борьбе в этом втором мире.

Действительно ли эти два мира окончательно разъединены? Неужели нет возможности установить между ними разумную связь, свести их как-то в одно целое? Неужели нет средств вернуть нашей иностранной политике утраченные единство и гармонию?

Вот вопросы, вставшие перед Америкой после Второй мировой войны, как результат двойственной природы скружающего ее мира. Эти вопросы нам и предстоит разобрать в следующих лекциях настоящего цикла.

II. НЕСОВЕТСКИЙ МИР

В первой из этих лекций мы могли проследить, как наше внешнее окружение, среди которого США должны были занимать свое место, как нация, распалось на две части, на два «плана реальностей»; в одном из них целиком сохранялись прежние отношения, которые не угрожали непосредственно нашей безопасности и при которых многие из наших прежних американских принципов иностранной политики еще продолжали действовать; и другой план, где царила советская власть, во всех ее многочисленных формах и разветвлениях. Я предполагаю посвятить сегодняшний вечер ближайшему рассмотрению первого из этих двух планов.

Итак, сегодняшняя наша беседа будет посвящена некоммунистическому миру. Этим мы вводим, конечно, несколько искусственное разделение. Я уверен, что все вы представляете себе, что эти два мира реальностей не разделены на две точно разграниченные территории: они пространственно не слитны, они разбросаны. Как мы увидим из дальнейшего, проблема нашего поведения в отношении международного коммунизма больше зависит от нашего поведения с некоммунисти-

ческим миром, чем от наших отношений непосредственно с Советским Союзом. Но каждая попытка систематизировать наши мысли о международных делах требует искусственных различий. Они неизбежно усложняют наш анализ, но они опасны лишь в том случае, если мы забываем о том, что они искусственны.

Начнем с беглого обзора общих условий, характерных для мира вне советской орбиты.

Первая черта, которая сразу бросается в глаза, — это крайняя неравномерность, с которой отдельные части свободного мира продвинулись по пути цивилизации. Некоммунистический мир являет собою целый спектр развития человеческого общества — от состояния, близкого к стаду животных, до самых высоких, технически и социально сложных форм цивилизации. Измеряя эти различия в единицах времени, необходимого народу для прохождения этого пути, мы вправе сказать, что крайние по развитию народы нашего мира отстают друг от друга на много тысяч лет.

Эта неравномерность развития является уже сама по себе фактором огромного значения, вызывающим напряжение и конфликты в международной жизни. Это именно то, что имел в виду Ленин, когда он говорил о «неравномерном развитии капитализма»; и интересно вспомнить, что он считал это обстоятельство крайне благоприятным для образования тех расколов и конфликтов внутри капиталистического мира, на которых коммунисты всегда основывали свои надежды. Эти взгляды Ленина были в значительной степени оправданы фактами. Достаточно вспомнить, что

свободный мир, в конце концов, заключает в себе весь традиционный колониальный мир, который сейчас находится в процессе крайнего напряжения и частичного распада.

Второе важное явление, на которое я хотел бы указать, это «революция населения» нашей эпохи. Излишне приводить тут данные статистики, чтобы напомнить вам, что мы живем в период какого-то «взрыва» населения во всём мире, настолько резкого и потрясающего по сравнению со всей долгой историей земли, что, без сомнения, будущие историки укажут на этот пункт, как на один из главных отличительных признаков нашей эпохи. Этот рост населения, почти повсеместный на нашей планете, во многих случаях еще обостряет несоответствие между потребностями человечества и наличными средствами, как только темп развития производства начинает отставать от темпа роста населения. Это опять-таки является источником беспокойства и волнений и ведет к глубоким политическим и философским заключениям. Но вряд ли попытки решения этой проблемы где-либо привели к существенным результатам. Интересно, между прочим, отметить, что даже Советский Союз, повидимому, не свободен от затруднений в этой области. Его вожди до последнего времени очень резко реагировали на каждое упоминание о мальтузианстве.

Третий из главных факторов, на который я должен указать, это техническая революция нашей эпохи. И опять-таки, вряд ли найдется часть света, не затронутая этой революцией. Многие смотрят на нее с

надеждой, как на спасительный ответ на проблему населения. Но я не уверен, что дело действительно так просто.

Американцы вообще имеют тенденцию рассматривать технический прогресс как нечто, приносящее человечеству только благоденствия. Несомненно есть много примеров, когда прогресс действительно играл эту роль. Но мне кажется, что мы очень неохотно замечаем опасности, которые может принести, и действительно приносит с собою, новая техника в человеческую жизнь.

Вспомним, что человек есть продукт привычки и традиции. Его способность вести цивилизованную жизнь в значительной степени является результатом долгого процесса выработки привычки, основанного на уважении к традиции, к древним обычаям и воззрениям, к накопленной мудрости прошлого. Большинство из нас сознает, особенно здесь, в Америке, что человек психически навсегда остается под влиянием своих предков, всегда связан привычками и заветами, унаследованными от них. В этой передаче опыта от поколения к поколению человек — сознательно или бессознательно — черпает чувство безопасности, внутреннюю уверенность в себе, ясность духа; и из этих качеств вырабатывается главным образом самообладание и умение держать себя. Там, где авторитет прошлого подорван и падает слишком быстро и резко, где прошлое перестает быть полным и надежным справочником на все случаи жизни, где (самое главное!) опыт отца становится непригодным для

исканий и испытаний сына, — там основы духовного здоровья и стойкости человека начинают шататься и разрушаться, возникает ощущение неуверенности и страха, поведение становится несдержанным и агрессивным. Именно таковы, к несчастью, типичные признаки эпохи быстрых технических или социальных перемен. Большая часть населения земного шара выказывает сейчас эти признаки. И, если за быстрый рост населения надо расплачиваться тем, что человека отрывают от всего его привычного прошлого и выбрасывают его, как катапультной, через головы столетий в какую-то новую и незнакомую ему техническую стратосферу, — то я не уверен, что игра стоит свеч.

Все эти обстоятельства, мне кажется, ведут к одному заключению: в ближайшее время мы не можем ожидать от нашего некоммунистического окружения ни прочной устойчивости, ни гарантий от насилий. Проблемы, вытекающие из распада части колониального мира, уже сами по себе подтверждают мое заключение; а эти проблемы, как мы видели, составляют лишь малую часть целого.

Это в свою очередь означает, как мне кажется, что многие из наших традиционных американских идей о том, какого рода мир нам приходится теперь себе искать, должны быть признаны сразу же непригодными и неверно обоснованными.

За последние 50-60 лет в наших обычных подходах к проблеме всеобщего мира мы старались избежать всякого насилия, всякой войны. Все наши подходы были основаны, как мы видели в первой лекции,

на вере в то, что каждый может быть приведен к принятию статус кво. Но сегодня нас призывают признать, что колониальные смуты являются выражением именно глубоко заложенного и решительного отказа со стороны миллионов людей принять сегодняшний статус кво. И это является далеко не единственной причиной, вызывающей необходимость перемен как статуса, так и границ. Таким образом задача международной политики, состоит не в том, чтобы препятствовать переменам, а в том, чтобы найти способы провести эти перемены без повторных сотрясений всеобщего мира.

К этой задаче лучше всего подходить не со строгими юридическими нормами, а с традиционными приемами политической целесообразности. Источники международных трений и конфликтов всегда единственны, они никогда не бывают шаблонны; у них вы никогда не найдете точных прецедентов или аналогий. И они всегда бывают более или менее неожиданны. Для того, чтобы возникшие конфликты могли быть надлежаще изолированы и улажены, надо подходить к делу частично как к исторической справедливости, но в то же время с учетом соотношения реальных сил. Не забудем, что такие конфликты обычно затрагивают невралгические пункты людей и вызывают самые яростные политические эмоции. Мало есть таких людей, у которых преданность началам международной законности может устоять против тех импульсов, из которых вспыхивает война. Это в особенности относится к демократическим народам, временами под-

верженным сильнейшим взрывам политических страстей.

Будем откровенны: в большинстве международных столкновений — в отличие от индивидуальных — элементы правды и неправды (если они вообще существуют, что еще под вопросом) — просто неразличимы для постороннего глаза. На чьей стороне правда и на чьей неправда в споре о Кашмире? Я рад, что не мне приходится решать этот вопрос. А что вы скажете о конфликте между арабами и Израилем? Самое создание государства Израиль, которому мы, американцы, так горячо сочувствовали, было по существу актом насилия, независимо от того, на чьей стороне была правда.

Вас это шокирует? Однако в нашем сегодняшнем мире вряд ли можно найти хоть одно национальное государство, включая наше собственное, образование которого не сопровождалось бы актами насилия. Основой всех притязаний каждого государства на законность всегда оказывалась, в конце концов, ситуация, созданная при помощи своевольного применения вооруженной силы. Вряд ли можно в истории найти хоть одну конституцию, которая в конечном счете не опиралась бы на акты восстания или узурпации. Надо признать, что создание высших политических форм всегда достигалось в процессе разрушения деспотизма, а не являлось результатом общественного договора.

Конечно, время и привычка сглаживают все углы: они являются великими пособниками цивилизации,

постепенно создавая ореол законности, почета и уважения. Я нисколько не собираюсь оспаривать того доверия, которое им оказывается. Если бы наш сегодняшний свет был действительно устойчив, если бы национальные формы были введены и процветали повсюду, если бы сами нации оставались неизменными или же росли бы вместе с ростом населения, с экономическим ростом и с вкладом нации в общую жизнь всего мира, — тогда я охотно присоединился бы к самым ревностным и убежденным из моих земляков для совместных поисков законных форм для увековечения сегодняшнего статус кво путем переноса критерия допустимых форм в сношениях между нациями из политической сферы в сферу юридическую. Но увы! ведь слишком ясно, что наш «мир» вовсе не устойчив, что он не может быть таким сейчас и не станет таким в наше время.

Раз это так, то многие международные конфликты надо признать за печальные осложнения, происходящие не потому, что одни были правы, а другие виноваты, но потому, что история еще не готова к тому, чтобы оделить нас всех одновременно и равномерно; потому, что развитие цивилизации идет так бурно, что мы не успеваем его усвоить и к нему приготавливаться; потому, что потоки человеческой жизни многочисленны и сложны и не все текут в одном направлении. И поэтому мне кажется, что наш подход к нашим друзьям в свободном мире должен быть реалистичным и гибким; мы должны при этом учитывать всё трагическое, иррациональное и непредвиден-

ное; мы должны не забывать о равенстве и о требованиях здравого смысла и делать поправку на человеческие слабости вообще и на слабости политических обществ в частности.

Спешу добавить, что, по моему мнению, эти соображения нисколько не умаляют значения традиционного международного права. Каждый, кто провел много лет своей жизни в практической деятельности в области международных дел, не может не оценить громадного и решающего значения международного права для обеспечения гладкого хода международного общения во всём его объеме, помимо лишь военной безопасности и жизненно важных интересов. В моем личном опыте это подтвердилось самым убедительным образом: во время Второй мировой войны личная безопасность моя и 129 других американских служащих министерства, интернированных в Германии, в течение многих месяцев была обеспечена только благодаря охране международного права. Вообще, я думаю, вы согласитесь со мною, что министерства иностранных дел и профессиональные дипломаты придают большое значение международному праву, как институции, и держатся за него, как за одну из немногих надежных опор в их мире преходящих, непрочных ценностей.

Но для действенности самого международного права крайне важно, чтобы мы не переоценивали его роли и не пытались применять его к таким явлениям международной жизни, которые явно выходят из сферы его компетенции. Я имею в виду те стихийные

сдвиги, которые угрожают безопасности крупных политических образований, или же отражают эмоциональные влечения или отталкивания целых наций. Применяя юридические нормы в области отношений между нациями, мы должны твердо помнить о тех реальных границах, вне которых эти нормы не могут считаться обязательными.

Следующая характерная черта нашего некоммунистического окружения, которую я считаю нужным отметить, весьма элементарна. Она настолько элементарна, что я должен был бы извиниться, предлагая ее вашему вниманию, если бы не тот факт, что у нас ее значением до сих пор пренебрегали, несмотря на ее тесную связь с целым рядом наших маленьких «слабостей» или увлечений.

Позвольте мне, прежде чем я перейду к реальностям, остановиться на «слабостях». Я имею здесь в виду те великодушные импульсы, которые сделали нас, американцев, столь склонными к разрешению международных проблем при помощи многосторонней организации и международной парламентской процедуры. Эти импульсы являются результатом нашей врожденной национальной общительности, а также вполне понятной тенденции применять в международном обиходе методы нашей собственной демократии, уподобляя при этом голос государства в международных органах — голосованию гражданина в нашей избирательной процедуре. Но кроме того, эти импульсы еще содержали в себе, как мне кажется, чувство стеснения, даже стыдливости, за нашу роль

великой нации; ощущение, что как-то совестно быть большой и сильной в то время, как другие малы и слабы. И отсюда проистекает некоторое преувеличенное участие к новым и малым нациям, старание проявить себя их другом, искать их общества, разделить с ними их долю.

У Вудро Вильсона было это ощущение. Оно сыграло большую роль в его вере в самоопределение народов, в разделе Австро-Венгерской империи и в балканизации Восточной Европы. В наши дни оно играет большую роль в нашем, уже отмеченном мною, увлечении многосторонней дипломатией, в наших симпатиях к международным организациям, в нашем отношении к Объединенным Нациям. В конце концов, ведь это мы, американцы, старались вручить Ассамблее Объединенных Наций почетную и ответственную роль вершителя главных проблем международной безопасности. А ведь в Ассамблее, как мы все знаем, численно доминируют небольшие, новые, слабо развитые страны. Любая комбинация Латино-Американского и Азиатского блоков может в любой момент подавить своими голосами всех нас остальных, включая наших партнеров по Атлантическому Пакту и наших советских оппонентов, взятых вместе; и несколько раз уже так было.

Мы несколько раз обращались с воззванием к этому международному большинству, как в Объединенных Нациях, так и в семье народов Америки. Неоднократно мы выражали желание передать им решение крупных проблем мировой политики. Мы прини-

мали на веру их авторитетность и их добрую расположенность к нам. Мы поступали так, я думаю, исходя из предположения, что перед нами главным образом народы неиспорченные, не зараженные магией величия или грехами зрелости, а потому способные говорить о мировых проблемах с чистым сердцем и ясным голосом. Мы думали, что эти народы жаждут лишь мира и стремятся к экономическому развитию; что они либо уже преисполнены от природы верой в нас, или могут быть легко обращены к ней, как только мы проявим достаточно заботы и готовности помочь им.

Проводя в жизнь эту линию, мы шли на всё в своих стараниях поддержать эти страны. Мы окружили их вниманием, засыпали подарками всякого рода, послали им массу наших людей в помощь, не говоря уже о пропаганде. И нередко мы производили впечатление, что даже пустая, чисто декламационная резолюция — если только она собирала голоса этого международного большинства — была для нас важнее, чем конкретная акция, которая могла реально повлиять на ход событий, но проведенная одними нашими собственными силами. Таким путем в некоторых американских кругах возникло течение, которое форму почитало выше, чем содержание, и смотрело на международные дела просто как на длинную серию баллотировок, в которых решающим является не практическое содержание принятых решений, но самая процедура голосования, группировки голосующих, соотношение сил в момент баллотировки. Мне часто

приходило в голову, что для этих людей ход мировых событий сводится к чередованию «мертвых картин»: занавес подымается; вспыхивает свет; вы выступаете в благоприятной, достойной роли или в затруднительном положении; затем свет гаснет и представление кончается¹.

Мне кажется, что это заблуждение является, по крайней мере частично, результатом недостаточно ясного понимания некоторых из тех политических реальностей, которые характеризуют собою национальное государство. Надо учесть, что в международных сношениях мы имеем дело не с народами, а с правительствами. Многим американцам это не нравится. Американский склад ума стремится к установлению непосредственных сношений между народами, не искаженных вредным посредничеством правительств. К несчастью, этот путь неосуществим. Народ не имеет возможности принимать участие в совещаниях наций иначе, как через посредство политической власти, которая контролирует внутренние процессы народной

¹ 24 марта 1954 г., в день, когда состоялась эта лекция, «Нью-Йорк Таймс» в передовой статье писал:

«Повидимому 10-я панамериканская конференция, сейчас подходящая к концу в Каракасе, примет резолюцию, подтверждающую веру нашего полушария в человеческие права. Это очень хорошо и нужно; а на тех, кто цинично не верят в непосредственное практическое значение такой декларации, можно не обращать внимания».

20 апреля «Нью-Йорк Таймс» снова писал на ту же тему:

«...резолюция была принята... Беда в том, что с принятием резолюции и роспуском конференции положение в Гватемале осталось без перемен».

жизни. Это вопрос неразрывной связи между властью и ответственностью. Руководить иностранной политикой это значит в сущности направлять поведение нации всюду, где она встречается с внешним окружением. Эту функцию может выполнять только правительство. По этой причине только правительство может выступать успешно и с полной ответственностью в области иностранных дел.

Но обратимся теперь к самому основному факту в природе правительства. Каждое правительство имеет двойственную структуру. С одной стороны, оно является голосом нации в целом. Но в то же время оно всегда представляет собою господствующую политическую фракцию или же коалицию фракций внутри общего организма нации; и тут оно является защитником интересов своей группы против интересов других политических групп в данной стране. Поэтому желания и претензии, которые оно заявляет на международном форуме, не всегда являются точным отражением действительных желаний всего народа в данном деле; они могут быть также отражением внутренней политической борьбы, которую ведут сегодняшние вожди правительства. Так обстоит дело во всех странах света, включая и нашу.

Это означает, как мне кажется, что когда правительство выступает на международном форуме, то его голос может быть передовым, прогрессивным, но может и не быть; и степень его прогрессивности вовсе не обязательно отвечает подлинной воле всей нации; она может также выражать волю правящей

группы и способность этой группы в данный момент держать смелый и твердый курс политики в иностранных делах. Очень часто веления этого курса оказываются в прямом конфликте с требованиями политического соперничества внутри страны. Мы наблюдаем это часто у нас дома. Чем демократичнее политическая система, тем острее может оказаться этот конфликт. Иногда сильной авторитетной власти легче удастся облечь свою иностранную политику в пристойные демократические формы, если это кажется нужным, чем демократическому правительству, парализованному судорогами политического конфликта.

Поэтому такие качества, как юность и малые размеры наций, вовсе не являются гарантией мудрого и твердого поведения их правительств на международном форуме. Правда, они не исключают такого поведения, иногда даже способствуют ему, но они не обеспечивают его. И поэтому мнение большинства, составленного из таких наций, — будь то в Ассамблее Объединенных Наций, или где бы то ни было, — вовсе не непременно является мудрым решением; а также и мы, принимая его, не приобретаем тем самым заслуг или славы. В самом деле, когда встает вопрос, затрагивающий проблемы международной безопасности и когда для выполнения принятых решений требуется участие крупных военных сил, то предоставление такого вопроса на разрешение международного форума, где большинство голосов имеют малые и слабые страны, может оказаться неверным и опасным шагом; ибо таким путем очень легко придти именно

к такому разделению власти, принимающей решение, от власти, выполняющей решение, какового политическая организация должна всячески избегать.

Мы не смеем закрывать глаза на тот факт, что мы — великая нация, владеющая почти половиной всего мирового богатства и значительной долей общемировой военной мощи. Это связано с большой ответственностью, и она лежит целиком на нас. Мы не можем избавиться от нее или разложить ее на другие державы под тем предлогом, что мы выступаем под флагом международного большинства. Я не возражаю против самой тесной солидарности с нашими союзниками и спутниками в общей семье народов. Наоборот, я придаю ей огромное значение. Я только настаиваю, что мы должны всегда соблюдать правильное соотношение между властью и ответственностью и не вовлекать в решение сложных международных проблем те страны, которые имеют лишь косвенное отношение к этим проблемам и потому не могут оказать существенного содействия в деле, требующем реальной помощи.

Этими словами я вовсе не хочу выказать пренебрежение Организации Объединенных Наций или как-нибудь умалить ее значение. Я считаю ее за необыкновенно важный символ равного достоинства всех наций и общей ответственности, которая объединяет всех людей. Помимо того, я смотрю на ООН, как на один из форумов, где международные дела могут сейчас решаться, отличающийся от остальных форумов известными преимуществами и известными недо-

статками; форум, благоприятный для одних видов международного общения и неблагоприятный для других.

Но даже и при этих своих реальных и важных функциях, сегодняшняя ООН — это только начало. Это только то, что государства способны и склонны сделать из нее. Ничто не может быть глупее того враждебного возбуждения, с каким часть нашей публики обратилась против ООН, как если бы это была угрожающая внешняя сила, которая старается причинить нам зло. Организация Объединенных Наций является частью нас самих, отражением нашего собственного поведения. Поскольку взаимная зависимость и взаимная ответственность растут среди наций, поскольку мы можем надеяться, что они и дальше будут расти, — постольку ООН сможет сделаться одним из важных каналов, по которым эти изменения смогут найти практическое выражение. Но ООН сама по себе не может осуществить этих задач, также как она не может сразу ликвидировать или обезвредить наибольшие и опаснейшие очаги международных напряжений. Было бы насилием над ООН, а не проявлением уважения к ней, если бы мы навязывали ей задачи, превышающие ее силы и несовместимые с реальными условиями. Я никогда не мог понять людей, которые в порыве энтузиазма во имя того, что они называют «укреплением ООН», хотели бы нагрузить ее такой ответственностью, которая очевидно сломала бы ей хребет. Мне кажется, что если мы уже в чем-то погрешили, так это в том, что мы слишком далеко за-

шли, вовлекая ООН в проблемы установления мира после Второй мировой войны, проблемы, о которых, очевидно, никогда не думали те, кто создавал ООН.

Второй вывод, который, как мне кажется, вытекает из этих соображений, это следующее: в сношениях между правительствами нельзя придавать моральным ценностям такого значения, какое мы придаем им в частной жизни. Это — тема, которая однажды уже послужила поводом для крупного недоразумения в моей практике, и на этот раз я хотел бы уяснить мою точку зрения до конца.

Мы, американцы, усвоили для себя известные нормы морально-этического характера, которые мы склонны считать типичными для нашей цивилизации. Я вовсе не собираюсь предлагать, чтобы мы отказались от применения этих норм на практике в нашей иностранной политике. Будем стараться вести себя всюду так, чтобы всегда удовлетворять нашему собственному представлению о морали. Но, связывая таким образом самих себя, мы не можем навязывать наши нормы другим народам. Придерживаясь наших норм, мы сохраняем чистую совесть, но не будем воображать, что наши моральные достоинства, основанные на особенностях нашей национальной традиции, равно, как и различные религиозные воззрения, представленные в нашей стране, непременно должны снискать признание и почитание в остальном мире. И в особенности не будем воображать, будто цели государств — в отличие от методов — подлежат оценке в категориях морали.

Я не уверен даже в том, что и для личности существуют какие-то непреложные (универсально применимые) нормы морали, помимо тех самоочевидных правил благоразумия, общих для всего человечества, которые вытекают из необходимости сохранения семьи и поддержания порядка в обществе. Насколько же труднее, стало быть, найти и формулировать подобные правила, универсально применимые к сложным обязанностям управления государством.

Процесс управления государством лежит в плане практической жизни, а не в плане этическом. Это прежде всего нудная будничная работа, где человек всегда подчинен кому-то другому; это — бремя, возложенное на цивилизованное общество, к большому нашему несчастью, как результат иррациональной природы человека, его эгоизма, упрямства, его склонности к насилию. Выполнение этой безрадостной, кропотливой поденщины — занятие не такого рода, чтобы там могли найти применение такие качества, как альтруизм, жертвенность и т. п.

Моральные начала заложены в сердце человека и они определяют его поведение, как у частного гражданина, так и у государственного служащего. Поэтому-то моральные принципы так важны для успешного функционирования каждого государства, которое опирается на общественное мнение. Я, лично, более, чем кто-либо, глубоко верю в это. Но, когда поведение индивида пропускается через аппарат политической организации и сливается с поведением миллионов других индивидов, чтобы найти, наконец, свое выра-

жение в действиях правительства, то оно при этом подвергается радикальной переработке, и первоначальные моральные принципы уже не управляют им. Правительство — агент народа, но не «хозяин» его; и как таковой, оно не может претендовать на то, чтобы стать совестью своего хозяина. В частности, оно не может подчиниться тем высшим законам самоотречения и самопожертвования, которые представляют собою высший предел роста личности.

Итак: мораль, как проводник при саморазвитии личности — да! Мораль, как цемент гражданских качеств и следовательно залог здоровой демократии — да! Мораль в методах управления, как дело совести и отличительная черта нашего народа — да! Но мораль, как главный критерий при установлении поведения государств, и особенно как критерий для оценки и сравнения поведения разных государств — нет! Здесь нужны иные критерии — более жесткие, более точные, более практичные.

Конечно, это не мешает отдельным гражданам или целым группам проявлять в частном порядке альтруизм и великодушие за пределами своих национальных границ. Но даже и тут есть опасные ловушки и западни, о которых люди часто не подозревают. В нашем мире национальный суверенитет всё еще является доминирующей реальностью политической жизни и подчас народы различаются один от другого лишь этим несовершенным, но необходимым учреждением, которое мы называем государством. И мне иногда приходит в голову: не лучше ли было бы для

нас всех направить все эти наши импульсы на благо нашей собственной нации, которая в них сейчас так настоятельно нуждается, в надежде, что эти импульсы и блага будут лучше поняты и оценены другими народами, если они будут предварительно продемонстрированы на нас самих, чем если мы будем пытаться раздавать их другим?

Возвращаясь к взаимоотношениям между государствами, я думаю, что мы должны признать следующее: наши международные отношения были бы спокойнее и приятнее, недоразумений было бы меньше и их было бы легче улаживать, если бы у нас, американцев, было поменьше сентиментальности, меньше стремления к рассчитанным эффектным жестам, больше простоты и искренности. Мы должны отказаться от притязаний на исключительность, как в хорошую, так и в дурную сторону. Тот факт, что мы являемся великой нацией, не должен вызывать у нас ни ложной кичливости нашими достоинствами, ни ложного стыда за наше исключительное положение. Это наше положение мы должны объяснить другим народам и просить их принять это к сведению.

Следующая характерная черта нашего некоммунистического мира, которую я хотел бы отметить, это снова одна из тех, которые у нас так часто упоминались и так живо обсуждались, что обратились почти в банальность. Это — всё растущая экономическая взаимная зависимость между нашим некоммунистическим окружением и нами самими. Если бы дело шло лишь о признании наличия проблемы, как

таковой, то я вряд ли затронул бы эту тему сегодня. Но дело идет также и о признании ее общего значения в нашей национальной политике; и эта сторона, я полагаю, не была достаточно освещена ни официально нашим правительством, ни в публичных дискуссиях.

Вспомним, что эта взаимная зависимость проявляется на обе стороны неодинаково. Для нас самих это частично вопрос стабильности нашей экономической жизни, но главное, по-моему, это вопрос всё растущей нашей зависимости от зарубежных источников сырья. Для нас может оказаться очень неприятным фактом, если мы вдруг обнаружим, что на некоторые из этих источников сырья уже кто-то наложил свою руку. Это было бы крайне неприятно, не только для нас, но и для стран собственников сырья.

Зависимость других стран от нас обычно покоится на прочном доверии к солидности нашего международного экономического баланса и притом часто не только баланса с заинтересованной страной, но общего нашего баланса со всем миром в целом.

Для моей сегодняшней темы мне важно отметить, что эти реальные факты делают структуру наших иностранных отношений в высшей степени шаткой, и мы должны обратить на это самое серьезное внимание. Опасность может грозить, как вы сейчас увидите, либо от внешних причин, как, например, внезапных событий где-либо, которые поставят под угрозу наше снабжение сырьем, необходимым для бесперебойного хода всей нашей жизни, либо от внутренних причин — коле-

баний и потрясений нашей экономики или нашей политики, которые могли бы повлиять на устойчивость нашего участия в мировом хозяйстве. Мне кажется, что сейчас мы не гарантированы ни от той, ни от другой из этих возможностей. Между этими двумя сферами космической неуверенности ненадежно повисла не только судьба в высшей степени сложной и во многих отношениях хрупкой американской экономики, но также и социальная и политическая безопасность значительной части дружественного нам мира.

В первом случае — вопросе иностранного сырья — вы видите из недавнего диспута об Иране и из других примеров, что мы, как государство, полностью признаем право каждого другого государства делать всё, что оно захочет, с запасами сырья своей собственной страны, даже если бы это повело к нарушениям существующих зарубежных договоров и к резкому разрыву соглашений о продаже и распределении этих материалов в другие страны. Тот факт, что другие страны могут оказаться в большой зависимости от этих соглашений, не является — судя по случаю с иранской нефтью — формальным основанием для требований этих стран о принятии во внимание их интересов. Против таких возможностей, как капризы и безответственность со стороны правительств стран, вывозящих сырье, или внезапный отказ их в вывозе сырья, как способ политического шантажа, — повидному теоретически нет иного выхода, кроме того коммерческого нажима, какой иностранные фирмы способны и склонны сами оказывать; а эта реакция

далеко не всегда надежна или действительна. Всюду, где признается и действует принцип абсолютной суверенности — этот традиционный принцип Запада — там эти экстенсивные силы допускаются, и безопасность наших источников сырья зависит главным образом от того, в какой мере данное правительство обладает зрелостью и чувством ответственности и способно их проявить.

Сейчас твердое и уверенное ведение государственных дел можно найти во многих странах, но конечно не во всех. Эти качества не являются монополией ни крупных стран, ни даже исторически зрелых стран; но мне кажется, что их всё же легче найти у правительств тех стран, где суверенитет имеет историческую давность, где накопился известный фонд традиций суверенной независимости и опыта участия в международных делах.

Тот факт, что многие из иностранных источников сырья находятся на территориях государств, которые до сих пор не обладали ни национальным суверенитетом, ни опытом в международных делах, в связи с тем значением, какое мы придаем суверенитету, — означает, мне кажется, что во многих случаях снабжение наше сырьем сейчас висит на ниточке, которую мы к тому же не можем ни контролировать, ни даже заменить. И я боюсь, как бы в какой-то день не случилось резкого перерыва в этом снабжении, и как бы за ней не последовал тяжелый кризис и затруднения на подобие тех, какие в прошлом часто приводили к обвинениям в империализме. Я думаю, не сле-

довало ли бы нам сейчас подойти к этой проблеме несколько мягче и снисходительнее и дать понять другим государствам, что они не должны допускать, чтобы наша великая, но во многих случаях хрупкая экономика становилась таким образом в зависимость от них, если они не готовы признать свою явную обязанность охранять прочность заключенных соглашений.

Что касается опасности, могущей возникнуть для устойчивости наших экономических отношений с границей от колебаний в нашей собственной экономике, то я не считаю эту опасность столь серьезной практически, как это думают некоторые из наших более нервных европейских друзей. Но мне кажется, что исполнительная власть нашего правительства должна была бы быть лучше подготовлена, чем сейчас, к тому, чтобы обеспечить равномерный ход нашей заграничной торговли и уравнивать колебания, которые иначе могли бы вызвать потрясения. Это, конечно, потребовало бы некоторого усиления в этой области власти исполнительной за счет власти законодательной по сравнению с тем, что мы наблюдаем за последние годы. И я на этом настаиваю.

Я хотел бы подчеркнуть, что, по моему мнению, здесь прежде всего нам нужно добиться устойчивости, твердости и надежности в этих международных экономических соглашениях, вместо бесконечных и бессистемных скачков от одной страны к другой. В идеале, как он мне представляется, условия товарооб-

мена должны быть справедливы, должны отвечать в основном реальному состоянию рынка, но в то же время быть постоянными, устойчивыми и по возможности гарантированы от спекулятивных колебаний, как и от резких скачков государственной политики. Это должны быть условия, на которые народ может полагаться и строить на них свои планы.

Эта экскурсия в область экономических отношений приводит меня к последнему замечанию, которое я хотел бы сделать по поводу нашей политики в отношении некоммунистического мира. В последние годы мы строили эту политику главным образом на старании снискать расположение и любовь к себе. Мы усвоили тактику ухаживателя, поклонника. Нам как-то не приходило в голову, что могут быть и другие подходы. Мы смотрели на наше соперничество с русскими, как на состязание в популярности, ожидая благоприятного приговора других стран. Усвоив такой подход, мы решили, что обычные методы и средства, чтобы снискать расположение, являются единственно подходящими для этого случая, и что наш замысел потерпел бы неудачу в случае обратной нашей тактики — отказа и сдержанности.

В принципе против этого плана я не возражаю, однако тут есть некоторые ограничивающие факторы, которые, я думаю, не следовало бы забывать. Прежде всего, мне кажется, мы должны помнить одно печальное, хотя и любопытное свойство человеческой природы: благосклонность и милости, ставшие привычными, с течением времени перестают ощущаться,

как таковые, но воспринимаются уже как законное право. Без сомнения, это своего рода математический абсурд, ибо это значит, что чем больше милостей, тем меньше они ценятся; мало того: это значит, что когда милости прекращаются, то это воспринимается, как обида или оскорбление, вызывающее подобную же реакцию, даже если бы к первоначальной милости не было ровно никаких оснований.

Я полагал бы поэтому, что нам следовало бы ввести некоторые ограничения в наши расчеты на снискание популярности у других наций при помощи таких акций, как экономическая и техническая помощь. Не поймите меня превратно: я думаю, что это не единственный довод, оправдывающий нашу программу технической помощи. Есть и иные желательные формы реакции со стороны народов, помимо выражения чувств благодарности нам, и они могут быть еще вызваны в некоторых случаях путем расширения помощи в той или иной форме. План Маршалла, кажется мне, был замечательным примером здорового и правильного подхода к такой акции и в особенности потому, что его главной целью являлось не понуждение других народов к чувству обязанности нам, но скорее желание дать этим народам возможность самим добиваться своих главных целей, влить в них мужество и уверенность. Однако, многие, повидимому, считают, что экономическая и техническая помощь являются лишь средством привлечь к себе любовь и благодарность других народов; и я хотел бы только напомнить этим людям, что такие чувства, если они

и появляются, не могут быть длительными; помимо того, приучая другие народы к получению от нас односторонней помощи разного рода, мы создаем положение, которое неминуемо закончится новыми недо-разумениями, обидой и злобой.

Есть еще и иная реальность, кроющаяся под каж-дой формой государственной помощи другим стра-нам, реальность, которая, как мне кажется, почти це-ликом игнорировалась американцами. Это тот факт, что очень трудно, почти невозможно, одарить какой-то народ извне каким-либо видом помощи физической или технической, весь целиком, или по крайней мере вызвать у него ощущение или признание, что он весь целиком получил помощь. Фактически каждое чело-веческое общество представляет собою арену, где идет непрерывная упорная борьба между соперничающими силами — как экономическая, так и политическая. Всякое чужое вмешательство в этот процесс, — будь то лишь в форме даров или помощи, предлагаемой бесплатно и без обязательств, из чисто альтруисти-ческих, самых великодушных побуждений, — немину-емо влияет на условия состязания и, помогая одной стороне, тем самым наносит ущерб другой стороне. Если помощь существенная, то она всегда нарушает равновесие и вызывает необходимость новых исправ-лений. Некоторые элементы населения страны, полу-чающей помощь, выигрывают от этих перемен, но всегда есть другие, которые теряют.

Предположим теперь, что общий результат такой помощи будет благотворен для нации, получающей

ее, по крайней мере по нашим сведениям. Но те, кто считают себя потерпевшими от вмешательства этого нового фактора в их жизнь, не склонны к такому опти-мизму; и их горечь может легко обратиться против иностранцев, приславших эту помощь, а не против собственного правительства, об этой помощи просив-шего. В 1918 г. наше правительство сделало ошибку, полагая, что оно может оказать беспристрастную эко-номическую помощь населению Сибири посредством нашей благожелательной интервенции. Но генералу Грэйвсу, командовавшему нашими силами в Сибири, пришлось вскоре получить неприятный урок: всё, что он и его войска ни делали, стараясь оставаться ней-тральными и оказывать помощь всем и каждому без разбора, — всё было тщетно; в условиях Граждан-ской войны, кипевшей тогда в Сибири, ничто не могло миновать политической оценки и действия Грэйвса создавали ему как друзей, так и врагов. Надо при-знать, что даже благодеяния, оказанные чужому на-роду, представляют собою форму интервенции в чужие внутренние дела и всегда встречают в лучшем случае двойственный прием.

Я думаю к тому же, что есть какая-то внутренняя диалектика в самом процессе активного воздействия на настроение и поведение других народов: этот про-цесс никогда не может быть успешным на все 100%, так как народ воспринимает не только явную нашу к нему благосклонность, как реальную возможность, дающую некоторые выгоды, но и предчувствует нашу неблагосклонность, как потенциальную возможность,

которая в известных случаях может стать тоже реальной, обернувшись невыгодно для нас. Я упоминаю об этом лишь мимоходом, т. к. в некоммунистическом мире есть много стран, которые достигли высокой ступени зрелости в своей общественно-политической жизни и чьи отношения с нами стоят так прочно и на такой ступени взаимного понимания, что эти мои замечания к ним не относятся. То, что я высказал, приложимо лишь к некоторым окраинам некоммунистического мира, где расположены страны, находящиеся сейчас в особой опасности под действием соблазнов и давления со стороны СССР. В этих странах, должен признаться, я смотрю скептически на наши шансы оказать какое-либо полезное влияние до тех пор, пока мы не сумеем внушить населению по крайней мере такого же уважения к нашей возможной немилости, как и к нашему доброму расположению. Как известно, русские особенно много выиграли политически именно благодаря тому, что они предпочли, чтобы их боялись, чем чтобы их любили. Я не рекомендую брать с них пример в этом отношении. Но я сильно сомневаюсь, чтобы какая-либо политика Америки в отношении стран, колеблющихся между двумя мирами, могла быть успешна, пока она не обеспечит себя явно для всех, как жесткими, так и мягкими мерами воздействия, с полной свободой применения тех и других легко и свободно, поочередно или даже одновременно, смотря по требованию момента.

По-моему это требует двух предпосылок: во-первых, тщательного изучения способов (исключая раз-

вызывание тотальной войны), какими отказ в милостях Америки может быть использован к тому, чтобы заставить другие народы уважать наши идеалы и нашу роль в мире. Джефферсон сказал однажды, что мы держали в своих руках «те умиротворяющие меры принуждения, которые доступны каждой нации, если они приняты в полном согласии и в мирное время», и указал, что нам остается лишь развивать и применять их. Я рекомендую лишь приспособить мысль Джефферсона к настоящему времени. И во-вторых, это требует — и это самый трудный пункт — такой реформы нашего государственного управления, в результате которой та многосторонняя деятельность наша, из которой народы других стран извлекают выгоды, была поставлена под надлежащий, хорошо координированный и дисциплинированный контроль. Я не сомневаюсь, например, что если бы сегодня была налажена надлежащая координация работы нашей государственной машины и надлежащее сотрудничество между нашим правительством и важнейшими частными деловыми кругами нашей страны, то вклад, который Северная Америка могла бы внести в дело борьбы с коммунизмом в Новом Свете, был бы гораздо значительнее и эффективнее, чем он есть сейчас, настолько значительнее, что уже почти не было бы нужды в международных резолюциях, трактующих об этой проблеме; но с другой стороны не было бы и нужды в мерах, носящих характер беспричинных притеснений или угроз. Достаточно было бы отказа в тех благах, на которые люди не

нашего государства, наше существование, как великой нации, в общем благоприятно для цивилизации, частью которой мы являемся, — если бы я не верил, что наши цели, как нации, в общем балансе являются положительными, достойными, что, стремясь к ним и достигая их, мы не причиняем вреда другим народам, — то я не чувствовал бы себя вправе предложить вам занять ту позицию, которую я обрисовал вам сегодня вечером.

Но так как я в это верю, то я вам ее и предлагаю.

III. ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОЙ МОЩИ

Мы переходим теперь ко второму плану международной действительности, о котором я упомянул в первой из своих лекций. Перед нами объект, который не только представляет собою самую крупную, самую острую и самую сложную из сегодняшних проблем нашей политики, но, бесспорно, является для нас величайшим испытанием государственной зрелости, перед каким наша страна когда-либо стояла. Я говорю о проблеме советской мощи.

Эта тема слишком обширна, чтобы в один вечер дать ее продуманный и исчерпывающий анализ. Всё, что я надеюсь успеть сделать, это напомнить вам некоторые факты, которые кажутся мне наиболее достойными внимания, а затем добавить несколько общих замечаний по поводу наиболее спорных пунктов — как к ним надо подходить.

Первый пункт, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание, это факт геополитического характера, чрезвычайно важный для всех, кто занят советской проблемой. Дело в следующем: в наши дни «большая» война требует применения очень сложного и дорого стоящего оружия и центрального управления огром-

ными массами человеческой силы; главной ударной силой сейчас является земноводный флот, составленный из амфибий, способных переплыть океан и напасть на нас на нашей же территории. Такая «Великая Армада» может быть создана в настоящее время лишь в немногих местах на земле, а именно в тех районах, где крупная индустриальная мощь, располагающая достаточными запасами сырья, совмещается с крупными резервами образованной и технически обученной человеческой силы. Наша страна — Северная Америка — представляет собою один из таких центров военно-индустриальной мощи. Помимо нее, есть еще четыре других таких центра на земле и все они находятся в северном полушарии. Два из них — Англия и Япония — лежат вне Евразийского материка и принадлежат к островным и морским частям земного шара, к каким принадлежим и мы, американцы. Другие два лежат внутри материка Евразии. Один из них состоит из собственно Германии и индустриальных районов, примыкающих к ней: Рейнская область, Силезия, Богемия и Австрия. Этот центр в значительной степени зависит от металлургических ресурсов долины Рейна, Силезии и Альп. Последний центр представляет собою Советский Союз и он опирается на залежи угля в Донецком бассейне и в Западной Сибири, залежи железа и легких металлов на Урале и энергетические ресурсы Волго-Каспийского бассейна. Повторяю: помимо этих пяти зон, нигде в целом мире военно-индустриальная мощь не может появиться в крупных размерах.

Одним из счастливых для Америки обстоятельств является тот факт, что, каковы бы ни были наши разногласия с Британией, но ее народ вполне сознает, я уверен, что судьба крепко связала ее безопасность с нашей. Что интересует нас больше всего, — это не сама Британия, как остров, но Британия, как центр огромной политической и экономической системы, разветвленной по всему миру и разделяющей с нами в значительной степени наши собственные мировые интересы. Конечно, при наличии некоторой доли доброй воли и взаимного понимания, нам не приходится опасаться, что Британия когда-нибудь станет нашим врагом. Я вполне серьезно надеюсь, что подобная же ситуация складывается теперь и в Японии, географическая ситуация которой в Тихом океане аналогична позиции Британии в Атлантике. Я думаю, что у нас есть все основания для такой надежды.

Это ставит взаимоотношения между Германией и Россией в самый центр проблемы нашей безопасности, в физическом смысле.

Это, повторяю, лишь грубая схема. Наш упрощенный анализ проблемы мировой безопасности требует еще многих пояснений и уточнений. Всё сказанное еще вовсе не значит, что другие части света не имеют значения. Они тоже важны по разным веским причинам. Это только значит, что опасность советской экспансии не всегда и не везде одинакова, независимо от географического положения. Китай, например, не является одной из этих пяти ключевых

зон: его ресурсы не достигают нужного уровня. И это значит, что ключ нашей проблемы в том, чтобы не допускать объединения военно-индустриального потенциала всего Евразийского материка под одной властью, угрожающей интересам островных и морских частей нашей планеты.

Второй факт, который я хотел бы отметить, относится к физической и военной мощи Советского Союза. До 1939 г. военная сила России, хотя и грозная в некоторых отношениях и для известных целей, была всё же не такова, чтобы казаться крупной непосредственной угрозой безопасности Центральной и Западной Европы. Если сегодня этого больше нельзя про нее сказать, то это должно быть приписано главным образом тому, что СССР завладел физическими, техническими и людскими ресурсами Балтийских государств, Восточной Германии и стран сателлитов в Восточной Европе.

Это расширение изменило соотношение сил России и сил Центральной и Западной Европы в двух направлениях. Во-первых, оно прямо расширило, и очень значительно, техническую и индустриальную базу советской военной мощи, прибавив к ней многое из ресурсов вновь присоединенных стран. И в то же время оно затруднило восстановление уравновешивающих сил в Западной и Центральной Европе. Эти военные и политические позиции в сердце Центральной Европы и в области Маньчжурии и Кореи, захваченные русскими путем военного продвижения в

конце войны, фактически отдали в руки Кремля такое количество ресурсов, которое было бы вполне достаточно для полного восстановления германского и японского могущества, и таким образом поставили Советский Союз в выгодную позицию, позволяющую ему тормозить и задерживать восстановление Германии и Японии. Вдобавок — и это факт огромной важности — оккупация Восточной Германии отдала в руки Советского Союза плацдарм для военного развертывания в сердце Европы, который позволил ему перешагнуть барьер в виде полосы слабо развитых путей сообщения между Нарвой и Бессарабией, за которым русские силы в 1939 г. оказались запертыми, и который всегда являлся надежной обороной средней и западной Европы от России.

В результате всего этого баланс сил в Европе и в Азии значительно переместился в пользу России. Насколько и как это отразилось на Китае, я не знаю, и потому я не включаю Китай в свои расчеты. Конечно, его политический союз с СССР принес значительные выгоды Кремлю. Использование китайцев, в качестве пушечного мяса на Корейском полуострове во время войны с нами, было лишь одной, самой очевидной из этих выгод. Но союз этот принес также много и невыгод. Китай — определенно бедная ресурсами страна. В конце концов, он, так или иначе, будет истощать индустриальные ресурсы Советского Союза. Как в конечном итоге плюсы и минусы будут сбалансированы — я просто не знаю. Я бы предостерег от всяких преждевременных расчетов в этом пункте.

Итак, нам остается заключить, что, поскольку дело идет о военном потенциале, то исключительно сильная позиция России в последнее время является главным образом следствием временной прострации Германии и Японии в результате недавней мировой войны и включения в военную орбиту Советского Союза новых стран в результате военных оккупаций в конечной фазе войны.

Следующий факт, который мы должны отметить, это врожденная и глубоко вкорененная враждебность советского мира к старым и крупным государствам западного мира, в особенности к США. О причинах этой враждебности было много догадок и споров: являлась ли она предвзятым мнением коммунистического мира или же она была вызвана политикой Запада в отношении СССР в годы его младенчества? В действительности было и то, и другое, но из них двух гораздо более важным было идеологическое предубеждение, усвоенное советскими лидерами еще задолго до того, как они захватили власть в Петербурге в 1917 г. Если кто-либо сомневается в точности этого суждения, то я предлагаю ему ознакомиться с заявлениями советских лидеров в период перед захватом власти и непосредственно после захвата ее в 1917 г.

Позднее практика показала советским вождям, что им даже выгодно иметь заграничных врагов: их угрожающим поведением объяснялась и оправдывалась необходимость насилий и жестокостей самой советской власти. В 30-х гг. она действительно имела

таких врагов, двух во всяком случае: немцев и японцев, обоих несомненных, и до такой степени, что они могли служить некоторым правдоподобным объяснением и оправданием для кровавых чисток 30-х гг. Но когда Вторая мировая война ликвидировала этих действительных врагов, то надо было найти новых, фиктивных. И ими стали мы.

Мы как нельзя лучше подходили для этой роли. Благодаря настойчивости, с какой мы оставались в Германии и Австрии, взяли на себя контроль над Японией, укрепляли Европу, выполняя план Маршалла, защищали политическую независимость Южной Кореи, — мы предотвратили полное господство советского влияния над всей Европой и Азией, что было первоначально расчетом Сталина по окончании войны. Сохранив очаги свободы в непосредственной близости от оккупированных Советским Союзом стран, мы затруднили консолидацию коммунистического контроля и в действительности поддерживали постоянную угрозу безопасности советской власти. Ибо нет ничего более опасного и разрушительного для советского строя, чем сознание в умах его подданных, что где-то в мире еще существует такой феномен как свобода, чем хоть слабая, но упорная надежда, что и они, советские люди, быть может, тоже дождутся ее.

По всем этим причинам мы должны признать советскую неприязнь за нечто, отвечающее глубокой исторической и политической логике; и мы не дол-

жны поддаваться наивной надежде, — время от времени появляющейся на Западе, что эта враждебность может легко исчезнуть, как только некоторые из наших государственных деятелей сумеют лично познакомиться с советскими вождями. Нет, эту враждебность не рассеет ни коктейль, ни рюмка водки.

Ощущение этой неприязни часто приводит наших людей к поспешным и ложным заключениям о советских намерениях. Здесь мы должны соблюдать осторожность, чтобы избежать путаницы. Неприязнь — это одно; намерения — совсем другое.

Как многим из вас уже известно, я никогда не видел доказательств того, чтобы советские вожди когда-либо после Второй мировой войны (или до нее в этом случае) желали большой войны между СССР и крупными капиталистическими державами, или же смотрели на такую войну, как на подходящее средство для достижения своих целей. Я полагаю, что они считали, что такая война — даже в случае ее успеха в начальной стадии — будет слишком рискованной, слишком дорогой и вызовет слишком большую ответственность за вновь захваченные области; и что поэтому она не является надежным средством к достижению намеченных целей. Советские вожди не то, что многие из нас: они не считают, что военная победа решает все проблемы; они знают, что она — только начало, но далеко не конец.

Их идеология говорит им, однако, что капиталистические державы, и прежде всего США, в конце

концов будут искать войны с Советским Союзом, чтобы найти выход из тех политических осложнений и затруднений, которые ожидают капитализм в дальнейшем во всё возрастающей степени. Иными словами: они думают, что мы будем принуждены уже самой логикой нашей социальной системы к необходимости желать войны с ними и искать ее любым путем, в пределах нормального политического и военного благоразумия.

Но они успокаиваются двумя соображениями. Поскольку дело идет о кошмарных возможностях атомного оружия, то они убеждены, что это оружие не будет пущено в ход из опасения неизбежного возмездия. Иными словами, они вообще сомневаются в том, что это оружие будет применяться. Второе: они чувствуют, что раньше, чем мы дойдем до точки, когда превентивная война станет реальной возможностью для нас, мы будем уже значительно ослаблены тем, что они называют «противоречиями» капиталистического мира. Под этим они понимают всевозможные внутренние расхождения и разногласия в самой семье народов Запада. Они надеются, что эти внутренние затруднения сделают практически невозможной ту войну, которую мы теоретически хотели бы начать. И эти затруднения могут, по их мнению, быть еще усилены коммунистами при помощи искусной тактики и пропаганды с их стороны.

Из всех надежд, таящихся в советском мозгу, самые серьезные и обоснованные, и потому самые страш-

ные для нас, это те, что связаны с этими планами посеять рознь во всех центрах западного лагеря, а особенно по вопросам, которые, так или иначе, связаны с нашей силой. Это означает расщепление нашей нации на расы, на классы и на партии. Это означает разногласия между нами и нашими союзниками. Это означает утрату доверия других наций к нам и нашего доверия к другим. И самое главное, — это означает утрату нами веры в самих себя. Именно здесь — не в точно разработанных расчетах и планах военных операций, а в надеждах на деморализацию и разложение нашего мира — таится опасность, которую мы действительно вправе назвать главным советским стратегическим планом.

Именно здесь вступают в дело иностранные компартии. Я считаю важным отметить и запомнить эту их роль, отведенную им советской стратегией. Уже с самого своего возникновения советский коммунизм имел за границей целый арсенал политического оружия в виде иностранных компартий и своих агентов-провокаторов. Важно отметить, что в основном те ситуации, которые дали СССР возможность использовать это оружие, ни разу не были созданы самой советской властью, искусственно. Можно сказать, что некоммунистический мир в Азии и в Европе до некоторой степени действительно заслуживал то оскорбительное обращение, которое Москва до сих пор позволяет себе по отношению к нему. Он был хвор и его болезни давали почву и пищу для бацилл коммунизма. В Европе болезнь заключалась в утомленно-

сти и опустошенности народов, проделавших две исключительных по своим разрушениям мировых войны; далее, в дезорганизирующем действии технических перемен на перзрелую и переобремененную традициями цивилизацию; и наконец, в том факте, что современная демократия по своей природе уязвима благодаря тем самым свободам и привилегиям, которые составляют ее сущность.

В Азии болезнь проявилась в развитии колониальной проблемы, в повсеместных социальных смутах, а главным образом в восприимчивости огромных народных масс к такой пропаганде, которая дает им новую идеологию взамен ненавистной идеологии западного капитализма и в то же время сулит им нечто вроде волшебного скачка к реальным благам материального прогресса. Повсюду и во все времена успех коммунизма был главным образом результатом, почти автоматическим, недостатков какого-то общества — слабости, болезней и утраты чувства реальности.

К счастью, теперь, повидимому, почти повсюду намечаются границы этой слабости, которая являлась как бы входным билетом в коммунизм. Одним из наиболее поразительных свойств этого международного, из Москвы управляемого коммунизма было то, что он пользовался очень слабым политическим успехом. Я не знаю ни одной страны на свете, где бы коммунизм был поддержан подлинным большинством избирателей. Я полагаю, что максимального успеха он достиг в Чехословакии — 38% всех голосов. В

большинстве стран, сравнительно здоровых политически, число его сторонников обычно не превышает 5-6%. Этот процент несомненно представляет собою категорию людей, от природы склонных поддерживать силы, действующие против того общества, к которому они сами принадлежат. Там, где коммунизм получил широкое распространение, как во Франции и в Италии, это явилось результатом глубоко вьезшихся внутренних недостатков режима, которые коммунисты просто ловко использовали, большей частью благодаря их организационному таланту, энергии и беспощадности. Успех коммунизма не был, или почти не был, успехом коммунистической идеи, как таковой. Представление, весьма обычное в нашей стране, будто за последние годы происходит нечто вроде триумфа советской пропаганды, просто лишено всякого основания. Неоспоримый факт, что привлекательность идеологии советского коммунизма падает повсюду, начиная с середины 30-х гг. Идеи коммунизма постепенно принимают характер постулатов крайне грубой и косной псевдонауки, изложенной устарелым языком и явно неверной в своих наиболее важных утверждениях, опровергнутых ходом реальных событий. Престиж советской власти повсюду поддерживается только безжалостной, суровой организацией, железной дисциплиной и внушительной военной силой. Но всё это не имеет ничего общего с идеями.

Вдобавок мы должны вспомнить, что во многих случаях сохранение дисциплинарных связей, при помощи которых эти группы иностранных коммуни-

стов держались в подчинении Москве, было возможно только при условии сохранения их «статус кво», т. е. как слабых оппозиционных групп, с ничтожной местной поддержкой, целиком зависевших от указаний, поощрений и дисциплинарных взысканий извне. Москва давно уже осознала это и вполне отдает себе отчет в том, что если бы эти группы выросли и стали большинством, а затем действительно пришли бы к власти в своих странах, то их зависимость от Москвы сильно ослабела бы и титоизм в той или иной форме стал бы совершенно неизбежным повсюду, кроме тех стран, где местная власть опирается прямо на советскую военную силу.

По этим причинам было бы большим заблуждением предполагать, что Москве нужно, чтобы все эти иностранные компартии захватили власть в своих странах. Результатом такого захвата было бы вероятно то, что многие из них перестали бы быть политическим орудием в руках Кремля. Но Москва хочет удерживать их именно, как свои орудия. Она хочет пользоваться ими для сдерживания своих политических противников, для того, чтобы сеять раздоры и недоверие между другими странами, для ослабления всякого политического и военного потенциала где бы то ни было, для саботажа всякого сопротивления иностранной политике самого Кремля.

В свете этих фактов интересно отметить, что за последние 30 лет коммунистическая власть фактически нигде в целом мире — за исключением лишь Ки-

тая — не распространялась иначе, как с помощью советских штыков, а там, куда она проникла, ей легко было сломить сопротивление. Единственным исключением был, повторяю, Китай. И именно потому отношение Китая к Кремлю сейчас, несмотря на внешнее приличие, тревожное и неуверенное, не вполне гладкое.

Таковы фактические данные о советской мощи, которые я считал нужным привести в качестве введения к этой беседе. Теперь, располагая этими данными, вернемся снова к проблемам нашей американской политики.

Мы все в известной мере следили за горячими дебатами по поводу нашей политики в отношении Советского Союза, которая была главной темой наших публичных дискуссий за эти последние годы. Позвольте мне теперь попытаться охарактеризовать и подытожить эту политику.

Я думаю, все мы признаем, что сегодняшняя непомерно раздувшаяся Советская империя представляет собою — прежде всего по соображениям геополитическим, которые я уже изложил — нездоровое явление и всеобщую опасность. Все мы признаем, что дальнейшее расширение советской мощи представило бы собою еще большую опасность. Наши разногласия сводятся к одному лишь пункту: что нам делать теперь после этих двух признаний?

Во-первых, между нами есть разногласия в вопросе о том, откуда мы можем ожидать фактического

ослабления советской мощи и влияния? От действия естественных сил внутри Советского Союза или же от применения внешней силы? Это вопрос *освобождения*. Во-вторых: как предотвратить дальнейшую экспансию Советского Союза? Это вопрос *сдерживания*.

Нужно подчеркнуть, что эти два термина не являются альтернативой друг другу и вопрос не в том, какой из них для нас более желателен. Я уверен, что среди присутствующих, включая меня самого, не найдется ни одного, кто не хотел бы, чтобы сфера советской власти и влияния была сокращена. Поэтому мы все за освобождение. И далее: я уверен, что среди нас нет ни одного, кто желал бы, чтобы советская власть распространялась еще дальше. Поэтому мы все за сдерживание. Все наши разногласия сводятся к вопросу о средствах, какими эти цели могут быть достигнуты.

Позвольте мне сперва обратиться к тому средству, которое связано с большим риском впасть в ошибку и заблуждение — к освобождению. И позвольте мне высказаться совершенно откровенно.

Сокращение сегодняшних раздутых и нездоровых границ советской мощи является необходимым условием для устойчивости мирового равновесия. Осуществление этой задачи является главной целью западной политики. Но термин «освобождение» может иметь много различных значений. Это слово — одно из тех слов-клише, которые так популярны именно благодаря неопределенности своего содержания. И так

как этот термин больше всего в ходу именно в США, и в особенности среди тех, кто считают себя поборниками этой идеи, то, мне кажется, тут есть две главные невысказанные, но подразумеваемые мысли: первая — это необходимость насильственного свержения советской власти, либо полного во всей сегодняшней советской сфере, либо частичного. Вторая мысль: это свержение должно стать конкретной задачей западной, в частности американской политики; иными словами — главный импульс должен быть из несоветского мира, от нас, а не изнутри советской орбиты.

Если это действительно так, если это наше искреннее убеждение, а не одни пустые фразы, то мы должны признать, что речь идет о таком пути нашей политики, который при дальнейшем его развитии почти неминуемо приведет нас к войне. Советские вожди не откажутся от своей власти в Восточной Европе ни ради наших прекрасных глаз, ни в том случае, если мы покажем вид, что мы обижены, разгневаны и собираемся их оттуда выкинуть. Их власть не нуждается в одобрении их подданных и она не может быть потрясена пропагандой среди подвластных им народов, даже в том случае, если бы у нас нашлось что-либо существенное, чтобы сказать этим народам. Самая попытка потрясти эту власть путем воздействия извне явилась бы как раз тем шагом, который сделал бы невозможным для советских вождей уступить хоть малую долю этой власти иначе, как в результате войны.

Нельзя ожидать от группы тоталитарных правителей, чтобы они добровольно ушли со сцены мировой истории и покорно согласились бы на разрушение их политической системы ради сохранения всеобщего мира. Помимо этого их политического пути у этих людей нет иного будущего. Им некуда уходить. Их шансы уцелеть лично упадут до минимума, как только их власть поколеблется. Поэтому нечего и думать о том, чтобы они подчинились чьему-то ультиматуму, уступили кому-то часть своей власти и удовлетворились бы остатками. Один из основных законов политической жизни — это динамический характер, увлекающаяся сила политического сдвига, своего рода «момент инерции» физики в применении к истории: раз покотившись, политические перемены растут, как снежный ком. Советским вождям это хорошо известно; и этим объясняется тот факт, что они так не любят уступать что-либо под давлением, даже в отдаленных концах своей империи.

Я могу представить себе, что в какой-то день советская власть отступит со своих сегодняшних позиций подобно тому, как она это сделала в Финляндии, в Югославии и в северном Иране. Но я могу постичь это событие лишь в том случае, если при этом престижу советской власти не будет нанесен сильный и резкий удар, если перемены будут совершаться постепенно и незаметно и будут вызваны внутренней необходимостью, коренящейся в структуре самой советской власти, а не внешним принуждением в виде

угроз, ультиматумов и явных интриг, направленных из другого мира.

Если советской власти не будет облегчена возможность провести отступление таким путем, то я сильно сомневаюсь, чтобы вообще можно было достигнуть этой цели без общего вооруженного конфликта. И я хотел бы подчеркнуть, что всякая война, которая могла бы считаться следствием нашей политики, была бы нам крайне невыгодна. Она привела бы в ужас и отчаяние всех наших потенциальных друзей во всём мире, которые ожидали от нас, что мы возьмем на себя мировое водительство. Эта война почти наверно порвала бы наши союзные связи и поставила бы под угрозу все выгоды, вытекающие из них, и это соображение крайне важно с точки зрения перспектив чисто военного успеха. Такая война явилась бы для русского народа — а возможно и для всех остальных народов, освобождением которых некоторые из нас так заинтересованы — страшным и незаслуженным ударом; она была бы ударом не по коммунистической головке, а именно по подвластным ей народам; ибо она вызвала бы в них взрыв патриотизма, на какой только они способны, а их коммунистические владыки оказались бы в самом выгодном положении — в роли вождей национальной обороны против иноземной агрессии. Я уверен, что миллионы американцев, которым пришлось бы принять участие в такой войне, мучились бы сомнением в необходимости этого нового бедствия, обрушившегося на нашу цивилизацию, спрашивая себя — неужели же не было

иного пути для разрешения этой проблемы? Я не говорю уже о тех разрушениях, которые были бы причинены самой Америке применением атомного оружия.

В добавление ко всему этому я считаю уместным и необходимым заявить, что любая война, поднятая во имя освобождения, не может быть и не будет вполне успешной, ни в военном, ни в политическом отношении, именно потому, что ее цели были бы слишком огромны, слишком претенциозны, слишком тотальны. Есть мнение, что дни ограниченной войны прошли; я хотел бы подчеркнуть, что истина прямо в обратном: дни тотальной войны прошли и отныне ограниченные военные операции являются единственно возможными для достижения определенных целей.

Вспомним, что Россия не может быть оккупирована вся целиком. Как бы успешны ни были военные операции, но всегда настанет какой-то момент, когда вам придется снова войти в сношения с нашими коммунистическими противниками и заключить с ними какое-то реальное соглашение. Здесь не может быть надежды на безусловную сдачу на милость победителя, по примеру двух последних войн.

Даже в тех областях, которые нам удастся «освободить», встанут вопросы об управлении гражданскими делами, о какой-то новой политической власти взамен старой. Готовы ли мы к этому? Есть ли у нас готовые решения для всех возможных случаев? Я очень сомневаюсь в этом, во всяком случае поскольку дело идет об СССР. И я дрожу при мысли об ответ-

ственности, которую нам пришлось бы взять на себя, если бы мы должны были оккупировать эти громадные области, не имея сильного местного политического движения для своей поддержки. Именно в таком положении мы очутились во время нашей интервенции в России и в Сибири в 1917-18 гг. И если кто-либо сомневается в правильности этих соображений, то пусть он прочтет печальную историю тех недостаточно продуманных предприятий. Удивительно, как редко приходит американцам в голову мысль, что всякая победа налагает ответственность, и что есть границы той ответственности, которую мы смеем принять на себя.

Вывод из всего, мною сказанного, следующий: по моему мнению, советская проблема настолько необъятна, что она не может быть надлежаще разрешена путем войны. Я не собираюсь обсуждать этот вопрос сегодня, но я думаю, что после зрелого размышления вы все придете к заключению, что тут затронуты глубокие общечеловеческие проблемы и что тотальная война, преднамеренно начатая, уже по самой своей природе не может благоприятствовать позитивным, созидательным целям общества. Большая война в лучшем случае может оказаться меньшим из двух зол, страшной и гнетущей ценой, уплачиваемой только для того, чтобы избежать необходимость платить еще более страшную, еще более высокую цену; но в таком случае она должна быть войной оборонительной, вынужденной, принятой неохотно и с тяжелым сердцем.

Я хотел бы на этом покончить с вопросом войны, так как это такая перспектива, о которой мы должны забыть, если мы хотим найти правильные пути облегчения нашей «русской проблемы»; но я боюсь, что этот вопрос не может быть оставлен без заключительного слова, адресованного тем людям, которые склонны сказать: «Как можете вы говорить тут перед нами так спокойно, когда вы знаете, что русские имеют бомбу, и что они имеют уже сейчас, в данную минуту, возможность уничтожить наши города? Стоит ли после этого говорить еще о чем-нибудь ином во всей этой русской проблеме?»

Не стоит оспаривать доводы этих людей. Быть может, они преувеличивают многие детали, но это не влияет на общий вывод. Безусловно дни всеобщей безопасности миновали, если только они когда-нибудь вообще были. Конечно, какие-то люди в состоянии сегодня или завтра разрушить наши города, если эти люди одержимы бесами. Я всё же не вижу в этом основания для истерики и паники. Что же тут необыкновенного? Или наши люди воображают, что в наш атомный век мы, американцы, будем вечно монопольными обладателями какого-то магического средства, которое поставит нас на недостижимую военную высоту, а всех прочих заставит подчиняться нашей воле?

Вопрос не в том, что эти прочие могли бы сделать нам. Никто из нас в нашей личной жизни не застрахован от нападения сумасшедших, маньяков и

даже от автомобилистов на шоссе. Но наша ежедневная безопасность зависит от того, что люди обычно делают, а не от того, что они «могли бы» сделать. К счастью, нападение на Америку при помощи простого нажатия кнопки является с точки зрения наших противников менее вероятным, чем такое же нападение с нашей стороны на кого-нибудь другого. Такое нападение на нас не послужило бы на пользу здравым политическим целям. Оно не могло бы обеспечить врагу возможность спокойно и уверенно расширять свою власть, к чему он стремится. Оно могло бы только сильно ухудшить общее положение дел в мире, для всех участников, включая и самого агрессора.

Помимо того, всегда есть еще фактор возмездия. Пока мы сохраняем в нужной мере способность к ответному удару и к тому же разумно распределяем запасы необходимых благ, то нет оснований ожидать, что кто-то вдруг решит, что он должен немедленно уничтожить нашу страну.

Мне скажут: «Хорошо, но мы не можем полагаться на это; мы не можем вечно зависеть от здоровья и разума других людей». До некоторой степени это, конечно, верно. Но я думаю, что великие державы способны составить себе точное представление о своих собственных наиболее насущных и неотложных военных потребностях. В частности, у Советского Союза я никогда не замечал никаких самоубийственных тенденций; и я должен отдать справедливость его вождям: хотя они, по-моему, глубоко заблуждаются, и

я невысокого мнения об их намерениях в отношении Америки, тем не менее я не подозреваю их в желании обрушиться на другие государства только ради разрушения их, не преследуя при этом никаких ясных политических или социальных целей. Эти люди не людоеды; они лишь крайне заблуждающиеся существа с вывихнутыми мозгами, глубоко увязшие в трудном положении, которое непрерывно требует сильных средств.

Конечно, в нашем современном мире много опасностей, но когда и где человеческая жизнь была свободна от опасностей? Лихорадочное возбуждение, появившееся в части нашей прессы и публики, не только недостойно традиций нашей страны, но оно даже не соответствует тому пути, которым большинство из нас пошло бы, если бы опасность стала реальной. И, что хуже всего, оно фактически увеличивает серьезность положения. Пока мы все сидим в лодке спокойно и стараемся соблюдать равновесие, вряд ли наша лодка перевернется; но если все мы начнем вскакивать с мест, хватать друг друга за рукав и кричать: «Что же вы бездействуете? Надо же что-то делать!» — мы почти наверно сами перевернем свою лодку.

Изобретение оружия массового разрушения является одним из самых крупных и самых мрачных фактов нашей эпохи. Мы не можем отрицать возможности войны, так как война может возникнуть при любых комбинациях обстоятельств; и точно так же мы не можем отрицать возможности применения нового страшного ору-

жия. На этот случай мы должны сделать самые реалистические приготовления, какие мы только можем; но из-за них мы не можем пренебрегать другими возможностями. Ведь есть также и та возможность, что «большой» войны вообще не будет. И всегда есть еще и иная возможность, а именно: даже при наличии войны мы можем проявить некоторое благоразумие, ограничившись употреблением традиционного оружия или же ограниченно применяя новое, нетрадиционное оружие. К этому мы также должны быть готовы. Именно по этой причине для меня была бы неприемлемой такая наша политика, которая не соблюдала бы баланса между старым традиционным оружием и новым оружием массового разрушения; и в особенности неприемлемой та политика, которая основала бы нашу безопасность на силе такого оружия, которое мы сами в нужную минуту, быть может, не решились бы пустить в ход. Чем скорее мы усвоим, что главная сила оружия массового разрушения заключается в его превентивном, устрашающем значении, чем раньше мы отделаемся от теории «первого выстрела» и от той мнимой «математики», которая подсказывает нам, будто наша безопасность зависит от числа людей, которых мы можем убить одним ударом, — тем скорее и тем лучше, по моему мнению, мы разрешим нашу проблему.

Итак, мы рассмотрели «освобождение», превентивную войну и атомную бомбу. Нам остается рассмотреть другую сторону нашей проблемы, старую и знакомую формулу, о которой многие так не любят

говорить — «сдерживание». Эта теория, созданная во время Корейской войны, ставит своей задачей лишь одно: не допустить чужие армии переходить границы своего государства с агрессивными целями. У меня найдется очень мало что сказать в защиту этой формулы. Конечно, в глубинном, коренном смысле этого слова эта формула значит: не допускать другие народы к совершению наивных и роковых шагов, не позволять, чтобы бразды правления были захвачены — как это уже случилось в некоторых странах, — элементами, признающими над собой дисциплинарную власть Москвы. А это, как вы сейчас поймете, является в первую очередь не заботой советской политики, а задачей самих некоммунистических народов.

Я признаю, что то, что я сейчас говорю, прямо обратно иному взгляду, который считает Москву формально ответственной за всю коммунистическую деятельность где бы то ни было, и подлежащей возмездии за каждую попытку коммунистического меньшинства захватить власть. К сожалению, я должен сказать, что, по моему мнению, дело вовсе не так просто. Я уже отметил раньше, что коммунистическая инфильтрация в некоммунистический мир не является целиком результатом советской инициативы или поддержки, но она питается также очень важными элементами местного происхождения — она коренится в слабости и болезнях данного общества. Сверх того, советские представители с полным основанием указывают нам, что они вовсе не оспаривают права любого

иною правительству поступать по-своему со своим коммунистическим меньшинством и они не протестуют дипломатическим путем, когда эти меньшинства подвергаются карам и обезвреживаются полицейскими мерами. Буквально физическое истребление германской компартии Гитлером в 30-х гг. не только не вызвало дипломатических протестов в Москве, но фактически совпало с серией дипломатических шагов с советской стороны, которые, в конце концов, привели к дружескому соглашению в виде нацистско-советского пакта о ненападении. Таким образом Москва не оспаривает права других держав принимать любые меры для контроля над их прокоммунистическими элементами. Но там, где державы не желают принимать таких мер, Москва не намерена делать это за них. Нельзя же требовать от московских вождей, чтобы они сами старались о том, чтобы их идеи не имели успеха за границей.

Я отлично знаю, что за всем этим кроется еще многое иное: там есть школы пропагандистов и институты для обучения подрывной работе за железным занавесом; там есть конспирация, секретные агенты и шпионы — и всё это не с доброй целью. Но всё это возникло, всё это стало возможным только потому, что в некоммунистическом обществе накопились огромные слабые места, дряблые, уязвимые сферы, которые могли бы быть очищены и ликвидированы некоммунистической властью. Если бы некоторые из них были оздоровлены, то я полагаю, что советская экспансия прекратилась бы. Если же недостатки не

будут удалены, то наша судьба — судьба всех людей, стремящихся к непрерывному развитию материальной цивилизации и к дальнейшему облагораживанию человеческого духа — несомненно сулит нам жестокие испытания. Но мы не можем ожидать от Москвы, которая непричастна к образованию этих «невралгических пунктов», чтобы она их оздоровила. Наша проблема не так проста и нам приходится дальше искать иного решения.

Таким образом, проблема сдерживания в сущности сводится к проблеме ответной реакции народов внутри некоммунистического мира. Эта задача требует от нас и от наших союзников непрерывного пребывания в состоянии активной обороны, достаточной для охраны нас при недоразумениях и конфликтах, и для поддержания бодрости и мужества у слабых и малодушных. Но пока это состояние еще длится, наши основные задачи — то самое необходимое и решающее, что должно быть сделано для предотвращения дальнейшего расширения советской мощи, — лежат не в области наших отношений с СССР, а в области наших отношений с народами некоммунистического мира.

С другой стороны, — и это является заключительной мыслью, которую я хотел бы запечатлеть в вашей памяти в этот вечер, — я твердо верю, что именно эта сторона нашей деятельности является наиболее нужной и полезной из всего, что мы можем сделать для достижения возможно большей свободы народов за железным занавесом. Всё, что мы делаем

здесь для укрепления надежд, мужества и уверенности в себе в среде народов, находящихся вне зоны советской власти, — всё это производит подобное же действие и на народы внутри советской зоны и представляет собой могучий стимул благоразумия и сдержанности, воздействующий на советских вождей. Поскольку мы в состоянии осуществить это, мы приходим к заключению, что «освобождение» и «сдерживание» — это лишь две стороны одной и той же монеты, которые вместе взятые составляют часть одной великой проблемы: как Америке надо вести себя, чтобы овладеть доверием и надеждами тех, кто желает блага, и как внушить уважение тем, кто нам этого блага не желает, независимо от того, по какую сторону железного занавеса они находятся.

Разрешите мне теперь несколько заключительных слов. Я боюсь, что вопросы, которых я коснулся сегодня, могут показаться разрозненными, не имеющими взаимной связи; но я думаю, что, сопоставленные вместе, они дают нам новый подход к советской проблеме, не столь удручающий, как большинство иных, распространенных в нашей стране. Позвольте мне резюмировать вкратце.

Советская враждебность к нам остра и глубока; но это не значит, что советские вожди хотят войны. Коммунистические партии в свободных странах назойливы и дерзки, но это в большей части отражение внутренней слабости самих этих стран и, само по себе, не представляет смертельной опасности для страны, которая хочет держать свой дом в порядке.

Оружие массового разрушения является мрачным и опасным фактом современной жизни, но оно во все не обязательно должно быть пущено в ход.

Географические размеры Советской империи являются серьезной и нездоровой аномалией и настоятельно нуждаются в исправлении; но каждая поспешная, резкая и прямая попытка исправить положение неминуемо навлечет на нас всех — друзей, врагов, включая и американцев, — новые несчастья и смуты, на много худшие, чем те, которые нам пришлось бы пережить без этой попытки.

Во всём этом я не вижу оснований для лихорадочной тревоги, для паники или для мелодраматических жестов. Я вижу необходимость упорного труда, трезвого мышления, большой осмотрительности государственных людей, высокой национальной самодисциплины и постепенного создания атмосферы единства и взаимного доверия между нами самими, американцами.

Самой большой опасностью, какой грозит нам советская политика, всё еще является ее попытка вызвать междоусобную рознь и конфликты внутри нашей системы союзов и нашего государства. Но здесь мы в состоянии противопоставить им качества нашего руководства и общий тонус нашей национальной жизни. Если бы эти элементы были на должной высоте, то они могли бы, подобно излучению, воздействовать на остальной мир и тепло этого излучения явилось бы не только наилучшим средством для подавления

попыток советской экспансии, но и наилучшим средством для помощи народам за железным занавесом в деле возвращения им свободы. Вспомним басню Эзопа о состязании между солнцем и северным ветром — кто из них скорее снимет с путника его плащ? В нашем случае путник — это советская власть; плащ — это та зона неупорядоченной власти и влияния в Восточной Европе и в других местах, которой советская власть пытается прикрыть собственную святыню. И вспомните, что не прямые усилия бушующего и неистового ветра, но мягкое и косвенное влияние солнца заставило упрямого путника, в конце концов, снять свой плащ.

IV. ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР

Я боюсь, что в двух последних моих лекциях я слишком много говорил о том, что нам *не надо* делать, вместо того, чтобы говорить о том, что нам *надо* делать в области наших иностранных сношений. Я надеюсь, что сегодня вечером мне удастся до некоторой степени исправить этот недочет и указать вам на некоторые, по моему мнению, наиболее обещающие позитивные возможности американской иностранной политики. Но прежде чем приступить к этой задаче, я хотел бы добавить еще несколько запоздалых мыслей в дополнение к тому, что было мною сказано в прошлый вечер о проблеме советской мощи. Я боюсь, что если я этого сейчас не сделаю, то останутся серьезные пробелы в том аспекте советской проблемы, который я предложил вашему вниманию.

Как вы помните, я намекнул на ту возможность, что желательные для нас изменения в советском строе — и прежде всего сокращение советской мощи и ее влияния до более нормальных и более безопасных для всеобщего мира размеров — могли бы произойти в результате работы внутренних сил в самом Совет-

ском Союзе с помощью лишь косвенного ободрения со стороны нас и остального внешнего мира. Я знаю, что этот мой намек будет оспариваться теми людьми, которые не верят в возможность такой перемены, или боятся, что она придет недостаточно скоро и тем утратит свое значение. Я хотел бы сейчас добавить несколько слов по поводу этого взгляда.

Мне кажется, что в сфере международных дел никогда нельзя быть настолько уверенным в своем анализе, чтобы позволить себе на основании его впасть в полное отчаяние. Нельзя предсказать историю человечества, в этом ее основной закон. Здесь, при решении советской проблемы, мы особенно нуждаемся в широкой исторической перспективе. Никогда еще не было страны, которая не была бы подвержена изменениям. Эволюция происходит всюду, хотя бы лишь как ответ на изменение физических условий — роста или убыли населения, источников благосостояния, состояния техники. Можно ли себе представить, чтобы нация, проделав столь бурный процесс крутых технических изменений, какой пережил Советский Союз за последние десятилетия, — могла сохранить прежние формы социальной и политической жизни? Неужели люди всё еще думают, что большевистская революция 1917 г. принесла с собой столь дальновидную политическую систему, столь чуткую и гениальную, что она может выдержать без изменений бесконечно долго любую нагрузку физических и технических перемен? Было бы роковым знаменем для всех нас, если бы мы были вынуждены

допустить это; ибо несомненно, такое испытание смогла бы выдержать только такая политическая система, которая идеально отвечала бы внутренним потребностям человека.

История фактически уже опровергла это опасение. В советском мире уже начались сдвиги. Крупным сдвигом был переход от ленинизма к сталинизму; сейчас идет переход от сталинизма к чему-то еще иному; и тот факт, что это «что-то» еще не совсем ясно для нас, вовсе не доказывает, что оно вообще не существует, или что оно не станет чем-то более близким к требованиям международного равновесия, чем было всё то, что мы до сих пор видели в советской системе. Мне лично кажется, что в отношениях между Москвою и ее сателлитами уже происходит некая трудно уловимая, почти незаметная эволюция, результаты которой до сих пор, быть может, еще неощутимы, но которая, тем не менее, может иметь огромное значение для развития советской программы, как целого.

Мы, американцы, должны усвоить один серьезный урок в области методики иностранной политики: мы должны подходить к международным делам, как садовники, а не как механики. Мы должны приучиться представлять себе развитие международной жизни, как органический процесс, а не механический. Мы должны сдавать себе отчет в том, что не мы создали те силы, которые управляют этим процессом. И мы должны приучиться принимать эти силы такими, ка-

ковы они есть, и вводить их в работу с нами и для нас, воздействуя на окружающие стимулы, которым эти силы подчинены; но мы должны делать это мягко и терпеливо, с пониманием и симпатией, не пытаясь ускорить процесс роста механическими средствами, не вырывая растений с корнем, когда они ведут себя не так, как нам этого хочется. Силы природы бывают обычно на стороне того, кто лучше всего их понимает и считается с ними. Мы не должны настаивать, как это делают коммунисты, на том, что перемены в лагере наших противников могут быть произведены только насилем. Осуществление нашего идеала — улучшения состояния человечества — не связано с применением насилия, как у коммунистов. Если наше представление о жизни гораздо больше приближается к подлинной природе человека, чем у наших противников коммунистов — а мы верим, что это так, — то мы можем позволить себе роскошь быть терпеливыми и даже иногда отступать, доверившись длительным и глубоким процессам истории.

Я хотел бы также добавить несколько слов в дополнение к тому, что я сказал в заключение моей предыдущей лекции по поводу воздействия на советский мир нашего поведения у себя дома и в наших сношениях с некоммунистическими странами. Среди нашего народа существует повидимому мнение, будто русские коммунисты, как и весь русский народ, замечают нас лишь тогда, когда мы делаем что-либо, что касается их непосредственно. Я хотел бы энергично предостеречь вас от такого заблуждения. Не ду-

майте, что из-за железного занавеса за нами не следят непрерывно и очень бдительно беспокойными глазами. Не думайте, что результаты этого наблюдения не имеют широкого отзвука в виде надежд, опасений и расчетов, как у правителей, так и у управляемых в советском мире, а следовательно и на общее направление политических взаимоотношений с нами. Когда мы делаем глупости, когда мы сами портим свои дела и вселяем страх и беспокойство в сердца тех, кто хотели бы быть нашими друзьями и союзниками, — это сейчас же отражается в виде зарождения новых надежд и прилива надменности у тех, кто правит в Москве. Когда же, наоборот, мы говорим и действуем так, что слова и поступки наши вселяют бодрость, мужество и решительность в остальном свободном мире, то, верьте мне, они находят отклик у миллионов и миллионов людей, и каждое сердце, которое трепещет жадой свободы, и все те, кто слышат наш призыв, не спрашивают у нас отчета — какими именно военными средствами мы рассчитываем покончить с советской властью и в какой именно день это случится. Эти люди проявляют тут больше мудрости, чем многие из нас; они твердо знают, что хотя никто не может точно предсказать те пути, какими мужество и вера добьются победы в этом мире, однако несомненно, что она будет завоевана именно этими качествами.

И наконец, — поскольку я всё еще занят своими «запоздалыми» мыслями, — я хотел бы высказать несколько соображений о специальной проблеме, с

которой мы сталкиваемся в тех специфических районах, которые сейчас находятся под особенной угрозой туземного коммунистического гнета; ибо в данный момент внимание нашего народа и всего мира приковано именно к этим районам, и я боюсь, что без упоминания о них наш обзор был бы неполным.

Что касается самого Индо-Китая, который представляет собою 80% всей проблемы в ее сегодняшнем значении, то я думаю, что вряд ли можно многого здесь достигнуть в данный момент путем попытки руководить действиями нашего правительства день за днем издалека. Это невероятно сложная и запутанная ситуация. Мы сейчас увязли там по горло. Прошли те времена, когда управляли лошадьми с заднего сиденья. Наше правительство принимает, повидимому, продуманные и решительные меры, чтобы справиться с проблемой. Нам остается только пожелать ему успеха, выразить ему доверие и обещать нашу поддержку. В наше время самое лучшее — это, выбрав правительство, предоставить ему править нами и говорить за нас, как оно считает нужным, в совещаниях наций.

Однако есть несколько соображений, в связи с общей проблемой коммунизма в Азии, о которых стоило бы упомянуть сейчас. Прежде всего, нельзя впадать в ошибку, полагая, будто бы мы имеем дело с угрозой военной агрессии, подобно той, которая встала перед миром, когда Гитлер предъявил свой ультиматум полякам в 1939 г. Как возможность, военная агрессия никогда не может быть исключена впол-

не, но она вовсе не является неизбежной или наиболее вероятной из всех возможностей, с которыми нам приходится считаться. Здесь мы вступаем в обширный мир душевных эмоций и тенденций, хотя и искаженных и одурманенных обманом, привносимым извне, но, тем не менее, по существу всё же отражающих вполне реальные и даже глубокие местные условия; и эти тенденции и эмоции не были бы устранены даже в том невероятном случае, если бы Москва угрозами и силой была принуждаема к этому. Ибо здесь мы имеем дело с глубокими эмоциональными силами, а не с рациональными реакциями.

Быть может, мы тоже могли бы использовать эти силы довольно легко, по примеру коммунистов, если бы мы обладали цинизмом и бесстыдством, необходимыми для этого. Мы тоже могли бы надавать народам обещания, заведомо неисполнимые. Мы тоже могли бы посулить им краткосрочные выгоды, как приманку, взамен долгосрочного порабощения. Мы тоже могли бы разжигать ненависть, сеять подозрения и извлекать прибыль из горечи и слепой ярости населения.

Но мы, американцы, не годимся для этого рода эксплуатации, ни морально, ни политически. Поэтому мы ограничены в своих возможностях; и было бы глупо с моей стороны уверять вас в том, что есть простое или верное решение этих проблем. Нет возможности удержать тех, кто по своей детскости и

отсутствию реализма сами стремятся к своей гибели, как крысы, бегущие за флейтой сказочного крысолова.

Некоторые из этих трудных ситуаций затянулись на долгое время. Я могу себе представить, что им предстоит длиться и еще дольше. Но мы должны принять во внимание, что если в ближайшем будущем и не предвидится радикального решения проблем, то это еще не значит, что эти проблемы не могут быть упрощены, или уменьшены до терпимых размеров. История умеет изменять условия, в которых протекает развитие проблемы; иногда проблема, в конце концов, так и остается неразрешенной, но она сама увядает, выдыхается, теряет остроту и значение.

Я не хочу сказать, что у нас нет никакой возможности оказывать влияние на общее положение в этих неопределенных областях, или что мы не должны делать никаких усилий. Но я хотел бы только указать на то, что мы, американцы, часто выводим неверные заключения из действительного положения вещей. Неверно, будто нам следует стоять над душой этих народов, стараясь влиять на них, или окружать их нашим исключительным вниманием; неверно, будто нам следует внушать им, что они должны выбирать между русскими и нами; неверно, будто мы должны засыпать их нашими разглагольствованиями и множеством американских чиновников и туристов. Все эти проявления вовсе не обязательны, и все они могут быть при случае вредны.

Мы должны помнить, что у многих жителей этих стран перспектива очутиться под господством США вызывает по разным причинам чисто патологический страх. Если им говорят, что они должны выбирать между русскими и нами, то это повергает их в прострацию и даже в отчаяние и парализует всякую их энергию, которую иначе они могли бы развить в собственных интересах. Наша пропаганда часто до них не доходит только потому, что их собственные проблемы глубоки, мучительны и индивидуальны; и временами мы действительно не можем сказать им ничего, или почти ничего достойного такой богатой и сильной нации, какой мы являемся. Присутствие американских чиновников в большом количестве далеко не всегда полезно, так как люди вообще, и американцы в особенности, не всегда показывают себя с лучшей стороны в чужом окружении. А материальный комфорт, к которому большинство американцев привыкло и за который они держатся цепко, даже когда живут за границей, имеет тенденцию порождать скорее зависть и презрение, чем восхищение, когда он демонстрируется среди народа, к нему неприличного.

Вместо всего этого, вместо того, чтобы выказывать свое стремление завязать интимную дружбу и готовность к оказанию всяческой помощи, я думаю было бы лучше в сегодняшней ситуации, если бы мы могли показать населению этих неустроенных стран личность американца, как отмеченную особой сдержанностью и достоинством, вполне готовую допу-

стить, что мы еще не имеем ответов на все их проблемы. Мы не должны ожидать, чтобы ценности нашей цивилизации были ими полностью поняты и оценены; мы должны быть готовы признать пробный, экспериментальный характер наших национальных учреждений; мы не должны требовать от туземцев ни любви к нам, ни восхищения, ни подражания, но лишь уважения к серьезности наших целей, к нашей вере в самих себя, к основательности и продуманности нашего подхода.

Я хотел бы надеяться, что придет время — я постараюсь объяснить это вам в дальнейшем, — когда мы сможем сказать гораздо больше народам Азии и остального мира. Но при сегодняшней общей ситуации и при нашем, американцев, положении сегодня, я думаю, что нам лучше воздержаться от этого.

Таковы вкратце мои «запоздалые» мысли. Теперь несколько слов о том, что я хотел бы сказать в виде заключения.

По соображениям, изложенным в предыдущих лекциях, мне кажется очевидным, что наш подход к советской угрозе, как к чисто военной проблеме, не может в ближайшее время быть подходящим и выгодным ни в одной области нашей иностранной политики. Этот вывод относится не только к нашим сношениям с некоммунистическими странами, народы которых, очевидно, ждут от нас иных, более позитивных решений; этот вывод справедлив также и с точки

зрения нашего подхода к проблеме коммунизма, как таковой, в ее самом широком аспекте.

Вспомним, что доминирующей, характерной чертой нашего сегодняшнего международного положения является переход от так называемой «двухполюсной» системы, типичной для первого послевоенного периода, к новому расцвету популярности и значения так называемых «промежуточных» стран, частью бывших наших противников, но и не только их. Сейчас мы находимся в переходном периоде от простого типа к сложному типу международных отношений. Однако, многие, повидимому, еще не сознают этого.

В настоящем периоде как русским, так и нам, предстоит испытание в государственной зрелости; предметом его будет то искусство, с каким мы сумеем приспособиться к новой ситуации, а также та проныцательность и сила воображения, с какими мы сумеем создать новые благоприятные отношения с «промежуточными» странами взамен тех отношений, которые являются пережитком недавней войны и построены на ненормальных условиях: политической зависимости от России и экономической зависимости от нас. И вот тут, при наличии новой задачи, строго военный подход, который стремится подчинить все прочие соображения балансу военных потенциалов, был бы не только неуместным, но и прямо вредным. Ибо требования, предъявляемые к нашей политике в результате роста этих «промежуточных» стран и об-

ращения их в жизненно важные факторы, неизбежно будут вступать в конфликты с требованиями чисто военными; и каждый наш промах при встрече с этими новыми политическими требованиями немедленно будет использован коммунистами в соответствующих странах. Таким образом при жестком военном подходе мы рискуем потерять на политическом фронте больше, чем мы выигрываем на военном. Мы уподобимся человеку, который, опасаясь вторжения, тщательно запер парадный вход, но не позаботился запереть заднюю дверь.

Сейчас промежуточные страны вовсе не ждут от нас «наставления по борьбе с коммунизмом», как бы нам ни казалось, что им нужно именно это; их гораздо больше интересуют привлекательные и в то же время конкретные перспективы жизни будущего общества, в частности: как использовать громадные экономические возможности Америки для других народов, как наладить плодотворный и взаимно выгодный обмен, не попадая при этом в политическую зависимость и под угрозу насилия? И не только самые видные из промежуточных стран смотрят на нас таким образом; фактически все некоммунистические страны и даже все подъяремные народы в пределах коммунистической сферы знают, что их шансы на освобождение будут максимальными, если мы, американцы, окажемся способными наметить позитивные, конструктивные, общие цели взамен негативных, разрушительных целей коммунизма, которые будут, наконец, отправлены в мир теней, куда им и дорога.

Поэтому в широком смысле можно сказать, что проблема мирового коммунизма является одной из тех проблем, которые могут быть успешно разрешены только при том условии, что мы научимся смотреть «сквозь» нее, не в том смысле, что мы не будем принимать мер предосторожности в отношении ее, но в том смысле, что мы не позволим ей загипнотизировать нас, овладеть целиком нашим вниманием, и отстоим свое право продолжать нашу позитивную деятельность, несмотря на нее. Это качество свойственно не одному только московскому коммунизму. Но часто в жизни мы оказываемся во власти демонов — иногда вне нас, иногда в нас самих, — которые обладают властью над нами лишь до тех пор, пока они способны целиком поглощать наше внимание; но они сразу теряют свою власть, если мы не даем себя запугать, если мы твердо продолжаем свое дело. Так обстоит и с коммунизмом; и в этом признании лежит, я полагаю, не только ключ к единственно успешному методу обращения с этим исключительным феноменом, но и ключ для успешного подхода ко всем нашим проблемам в наступающем периоде. Я хотел бы сейчас подробнее остановиться на возможных формах такого универсального подхода.

Попробуем на время забыть о проблеме советской власти, по крайней мере настолько, чтобы представить себе такой мир, где нет ни одной политической группы, серьезно претендующей на мировое господство, и где трения, недоразумения и насилия не превышают обычной нормы. К какому из основных типов

международных отношений мы бы хотели, чтобы этот мир приближался? И каково было бы наше место в этой схеме?

В первой из моих лекций я говорил о первоначальных целях молодой Америки и о скромных заданиях иностранной политики, вытекавших из этих целей. Эти скромные задания и сейчас еще мне сильно imponируют; даже сегодня я предпочитаю их каким бы то ни было претенциозным и не реальным целям. Но я должен признаться: я думаю, что первоначальные цели, из которых эти задания вытекали, уже не соответствуют ни сегодняшнему характеру нашего общества, ни значению нашего положения в мире, ни той ответственности, которая лежит на нас. Иными словами: я думаю, что мы должны сознательно расширить цели нашего общества, чтобы привести их в соответствие с нашим сегодняшним положением в мире, как нации.

Как вы помните, эти цели первоначально сводились к проведению своего рода социального эксперимента на нашей территории и мы были свободны от какой-либо ответственности за ход международной жизни вне наших пределов. Подобно ребенку среди взрослых, мы пользовались привилегией типичного для детей эгоцентризма, хотя и без зависимости нашей от «взрослых». Но сегодня подобный эгоцентризм уже не допустим; он уступил место ответственности, присущей взрослым, точно так же, как в личной жизни безответственность ребенка уступает место обязанностям зрелого возраста.

Сегодня наша зависимость от иностранного окружения возросла до размеров самой значительной проблемы нашего общества. Однако мы должны признать, что это окружение является в известной мере тем, что мы сами делаем из него, так как оно само в значительной мере испытывает влияние нашего поведения. И самое главное, что мы должны осознать, — это тот факт, что наше влияние — как благотворное, так и вредное, — действует независимо от того, хотим мы его оказать или нет, помимо нашей воли. Оно вытекает само собой из нашего удельного веса в мире и из растущей перенаселенности нашей планеты. Мы стали, как я уже сказал раньше, подобны гиганту в переполненной комнате: мы хотели бы не иметь ничего общего с другими, но куда бы мы ни двинулись, мы всюду натываемся или наступаем на кого-нибудь, и нам не остается ничего иного, как признать неизбежные социальные обязанности.

Поэтому я формулирую мою мысль следующим образом: 1) при определении тех целей, достижению которых наше общество, по нашему мнению, сейчас должно себя посвятить, мы берем за отправной пункт то наше состояние, к которому ход развития уже привел нас в данный момент; 2) мы признаем, что дальнейшее развитие нашего общества по линиям его традиционных идеалов не может более ограничиваться рамками нашей национальной жизни, но должно быть вынесено — хотя бы частично — на широкую арену международной жизни, 3) сообразно с этим, мы ставим своей целью такое поведение наше, как члена ми-

рового сообщества, которое увеличивало бы шансы на сохранение тех ценностей, которые мы до сих пор лелеяли здесь, дома.

Это может показаться не слишком отличным от того, что мы думали и делали прежде, но в моем понимании здесь есть существенная разница. Я имею в виду, что мы должны быть готовы принести подлинные жертвы и ввести суровые ограничения во внутреннюю жизнь нашей страны ради оздоровления окружающего нас мира; не те жертвы в виде военных расходов, на которые мы привыкли смотреть, как на необходимые для обеспечения нашей военной безопасности, но жертвы, которые мы приносили в те периоды нашей жизни, о которых нам никогда еще не приходилось думать в связи с иностранными делами; и эти жертвы должны приноситься ради достижения положительной цели — воссоздания наших отношений с внешним миром, а не ради мрачной цели — военной подготовки.

Быть может, многие, кто готов согласиться со всем тем, что я только что сказал, будут склонны считать, что вся эта проблема сводится к одной задаче: к созданию и развитию надлежащих международных организаций, для сглаживания трений между жизнью нашей страны и жизнью других народов. Этим людям кажется, что нужно только создать новые «форумы» (или камеры соглашения?), где мы могли бы по-иному, по-новому обращаться и разговаривать с внешним миром, не так, как это велось до сих пор.

Я должен сказать, что, по моему мнению, это неправильный подход. Конечно, новые подсобные организации могут вскоре понадобиться; но во всяком случае это будет скорее последним, чем первым шагом в ряду тех важных мер, которые должны быть приняты. Лично мне первый и совершенно необходимый шаг представляется как нечто, что мы, американцы, должны сделать только для самих себя и только своими собственными руками.

Мне приходилось часто выступать против энтузиастов мирового правительства. Я и сейчас еще вынужден выступать против них в вопросах политики сегодняшнего дня. Но я готов признать, что они правы в одном пункте: в их утверждении, что Америка не сможет разрешить проблемы развития своих отношений с остальным миром, пока она не будет готова пойти на широкое слияние ее жизни с жизнью других народов. Различие между нами главным образом в том, какими путями идти к этой цели. Странники мирового правительства хотели бы, чтобы мы слились со всем миром сразу, охватив всё человечество путем немедленного установления целой серии новых политических взаимоотношений. Я же хотел бы, чтобы мы начали с проблемы наших взаимоотношений с народами, наиболее близкими к нам; и чтобы мы при этом не пугали их сразу же до полусмерти, предлагая им немедленно интимную дружбу, но действовали бы исподволь, на деле показывая, что у них нет оснований бояться дружбы с нами. Для нас наилучшим средством двинуться по пути к объединению была бы

попытка создать, поскольку это возможно, некую «живую реальность» или по крайней мере потенциальную «живую возможность» при помощи мер, которые мы применяли в ходе развития нашего общества, постепенно менявших его характер, а потом уже мы могли бы приступить к многостороннему обсуждению проблемы наших международных отношений.

Как вы видите, я здесь предлагаю лишь признать тот факт, что для того, чтобы наше общество, основным законом жизни которого всегда были рост и расширение, сохранило свою жизненную силу, необходимо расширение нашего жизненного простора, той фактической сферы, где протекает жизнь нашего государства. Но глубокая трагедия и несчастье наши в том, что мы вынуждены осуществлять это наше расширение при помощи средств, задевающих потребности и оскорбляющих чувства других народов. Эта экспансия должна проводиться на основе доброй воли и внимания к нуждам других, как и к нашим собственным. И она не должна ограничиваться только материальными благами, она должна быть излучением наших взглядов, нашего мировоззрения, нашего внутреннего опыта, как человеческих существ. Именно это я имею в виду, когда я утверждаю, что развитие нашего общества не будет здоровым, если мы не будем стремиться словом и делом к конечному слиянию нашего социального и политического «я» с другими нациями, по крайней мере с некоторыми из них, в особенности с теми, которые ближе всего к нам по своим традициям, воззрениям, по своему положению

в мире. С другой стороны, я не призываю к «немедленному объединению». Я думаю, что сейчас США находятся не в таком состоянии, чтобы объединиться с кем бы то ни было. Иногда мне приходит в голову, что они вряд ли могут объединиться даже внутри себя. И я предлагаю, чтобы мы поставили своей задачей — делать всё возможное, чтобы расширить размах нашей общенациональной жизни, поскольку время и обстоятельства позволяют нам это. Частично это касается наших отношений с соседями, частично — непосредственно нас самих.

Первый и самый важный шаг в этой великой задаче — это, как мне кажется, превратиться из замкнутой, неприступной нации в восприимчивую, как психологически, так и практически. Если мы хотим приспособиться к требованиям нашего нового положения в мире, то первое, чему мы должны научиться, — это брать так же хорошо, как и давать. И это в каждой области: экономике, демографии, культуре, интеллектуальной жизни. Для Америки нет спасения в такой политике, которая хочет изолировать себя от мирового окружения.

Это прежде всего означает, что мы должны научиться принимать от других материальные блага и услуги. Экономический протекционизм — не только аномалия, но и смешная и недостойная уловка для нации такой экономической силы и такого калибра, как наша. То, что было правильно и необходимо для борющейся, недоразвитой страны, представляется

детской стыдливой робостью для страны сильной и зрелой. Если у нас есть хоть капля подлинной веры в те законы свободного экономического соревнования, которые, по нашему учению, нами управляют, то нам нечего бояться за нашу способность состязаться сегодня, на условиях экономической свободы, с любой нацией мира.

Всё это относится также и к миграции — передвижению людей. Если мы собираемся налаживать экономические отношения со старыми индустриальными районами Европы, то я убежден, что нам придется допустить большую свободу передвижения между нашей страной и остальными, как для временных поездок, так и для переселения на постоянное жительство за границей. Что касается временных поездок, то мне вовсе не кажется убедительным то опасение (которое, повидимому, лежит в практике наших эмиграционных законов), что наша государственная безопасность окажется под угрозой, если декан Кентерберийский или либеральный европейский ученый приедут погостить к нам, или же американский драматург полетит на премьеру своей пьесы в Брюссель. Такая робость не к лицу сильному народу. Так же неубедительным кажется мне и тот довод, что большая свобода иммиграции грозит нам опасностью, что наши старые добрые американские нравы растворятся в потоке вновь прибывших неотесанных переселенцев. Всё это уже устарело. За последние сто с лишним лет иммиграция в Америку всё время быстро росла. Старые американские добродетели, какими они бы-

ли когда-то, теперь могут удержать свое место лишь поскольку они кажутся привлекательными новым широким массам, которые их не создавали. Сегодня Америка может быть лишь нацией-космополитом, уменьшенной копией всего человечества, отличающейся от остальных наций, не своей кровью, не цветом кожи, а лишь географией территории, традицией и духом; или же она — ничто.

Всё то, что я сказал сейчас о людях и материальных благах, относится еще в гораздо большей мере к миру духовных ценностей. В этом отношении мы, американцы, стоим сейчас на перепутьи, имеющем самое глубокое значение. Наш национальный миф — вспомним это! — создан той Америкой, которая давно уже не существует, как живая реальность. Этот миф — создание сельской, еще не механизированной Америки, когда не было ни автомобилей, ни телевидения, Америки босых ребят, добела вымытых заборов и карикатур Вебстера. Она была замечательна, эта старая Америка. Я часто спрашиваю себя: могут ли те из нас, кто знал ее, действительно приспособиться к другой Америке, новой? Я надеюсь, что память о той Америке и заветы ее никогда не умрут. Но это — не сегодняшняя Америка; и если мы будем благоговейно преклоняться перед ее образом, как перед непревзойденным идеалом нашей культуры, то мы не только подвергаем себя риску глубокой травмы, разрыва между мечтой и реальностью, но мы идем также на риск стать по существу провинциальной нацией, маленьким, замкнутым мирком в общем мировом

поток, мирком, не способным получать стимулы и вдохновение из высшего мира и передавать их дальше. Такая роль, уверяю вас, никогда не сможет отвечать нуждам наших будущих международных отношений. Как интеллектуально, так и демографически, мы представляем собою или нацию-космополита — часть общемирового потока мысли и чувств, — или же мы вообще ничто. Малые, слабые нации, незначительные как по размерам, так и по своему удельному весу в мире, могут позволить себе роскошь оставаться — со всей своей обособленностью, провинциализмом и интеллектуальной изолированностью — в стороне от общих переживаний всего человечества. Американцы этого не могут. Если мы только попытаемся, это никогда не будет нам прощено. Избрав этот путь, мы никогда уже не сможем успешно построить для наших соседей в этом мире, включая лучших друзей и партнеров, тех мостов и сооружений, которые так необходимы для продвижения по зыбким путям в наше будущее.

Таким образом, первое требование для успешного продвижения к лучшему миру — это, как мне кажется, чтобы Америка стала более восприимчивой и более отзывчивой. Второе: она должна установить более строгий контроль над собой, над своей жизнью, развить в себе «чувство цели», думать о направлении собственного развития. Я понимаю, что эти слова могут завести очень далеко, что они расходятся с обычными представлениями о целях американского общества, с классической теорией *laissez faire*, гла-

вщей, что индивид сам лучше всего понимает и соблюдает свои интересы, и что всё общество в целом заинтересовано в том, чтобы индивид продолжал вести себя именно таким образом. Я всё еще верю в правоту этой теории во многих отношениях. В частности, я верю в ее справедливость в отношении свободы частной инициативы в нашей деловой жизни, и я верю в это после того, как я в течение ряда лет наблюдал близко мир, где принцип свободного предприятия был совершенно подавлен. Отмечая, что США нуждаются в развитии «чувства цели» во внутренней жизни своей страны, я не имею в виду «социальное государство», или же что-то вроде социализации средств производства или распределения. Но я предлагаю, чтобы какими-то путями мы пришли к тому, чтобы держать в своих руках развитие нашей государственной жизни еще крепче и оформлять его более сознательно и твердо, не спуская глаз с потребностей будущего времени.

Один из вопросов, которые я имею в виду, это наше обращение с нашими природными богатствами здесь, на территории Северной Америки. Я думаю, что мы не можем больше допускать, чтобы экономическое развитие нашей страны шло и далее так экстенсивно, проводя истребление ее естественных ресурсов и природных красот. Я думаю, что нам скоро придется сделать самую тщательную ревизию того, что нам еще остается из того первоначального богатства как поверхности нашей территории, так и недр ее, и водных и лесных богатств со всем живым

инвентарем, которым Бог наделил нашу землю. И мы должны спросить себя самым серьезным образом: в чем мы сами будем нуждаться в будущем из всего этого богатства, учитывая грядущий рост нашего населения и растущие технические потребности каждого гражданина. Имея эти данные, мы сможем набросать реальную схему нашей государственной политики, которая обеспечила бы нормальное удовлетворение наших будущих нужд без того, чтобы сегодняшняя дисгармония между человеком и природой была еще увеличена. Нам придется изыскать меры к тому, чтобы миллионы государственных и штатных служащих, а также частные предприниматели могли усвоить и соблюдать эти основные принципы, так как достижение наших целей невозможно без общего сотрудничества.

В самой тесной связи с этим надо организовать систематическое тщательное изучение развития нашей зависимости от других стран в материалах, необходимых для бесперебойного хода нашей экономики. Далее необходимо путем планомерных усилий наладить прочные взаимоотношения и взаимное понимание с другими хозяйственными мирами так, чтобы исключить в будущем возможность кризисов, трений и трагедий всякого рода. Это значит: смотреть в будущее, говорить с другими откровенно и не допускать, чтобы частные интересы становились поперек дороги нашему дальновидному и разумному подходу к решению проблем наших ресурсов.

Помимо того, мы должны уделить внимание еще чему-то, что сейчас еще очень трудно определить и еще труднее разрешить на практике; и, тем не менее, это будет иметь для нас большое значение в будущем, когда мы столкнемся с проблемами нашего положения в мире. Я имею в виду здесь нездоровое развитие социальных и коммунальных взаимоотношений во многих частях нашей страны в результате крутых и непредвиденных перемен в технике. В особенности я должен отметить частичное распадение многих из наших крупных городских общин, общее ухудшение условий быта в большей части этих общин и хаотическую и часто неудовлетворительную процедуру разрешений на образование новых общин. Я имею в виду необходимость городского и регионального (областного) планирования, исходя из того неоспоримого факта, что обеспечение необходимого физического комфорта в жизни и в работе бесспорно оказывает большое влияние на душевное здоровье и удовлетворенность человека, как и на возможность для него развить до максимума свои способности, как гражданина и личности.

Я знаю, что есть эксперты в этой области, которые будут утверждать, что эти вопросы недостаточно серьезны, чтобы заслужить признания их в качестве проблем государственного значения. Но я могу только выразить личное убеждение, что их значительность для всех нас гораздо больше, чем мы обычно думаем. И независимо от того, прав я в этом своем суждении, или нет, я хотел бы сказать, что современный ход

событий нашей государственной жизни вызывает на поверхности ее ряд удручающих и дискредитирующих нас явлений, видимых для всего мира и безусловно важных с точки зрения наших взаимоотношений с другими народами. Унылые кварталы, грязные улицы, деморализация в общинах, преступность среди подростков, хаос в средствах сообщения, крайнее пренебрежение к эстетике и к потребностям отдыха в городском строительстве и явно неудовлетворительное распределение в городах и поселках различных жизненных функций — домашней жизни, работы, отдыха, торговли, богослужения — все эти черты достаточно характерны если не для всех наших городов, то во всяком случае для большого числа их, чтобы составить общую картину нашей жизни, которая воспринимается окружающим нас миром. И эта картина вызывает в нас ощущение, что в действительности мы не хозяева своей судьбы, что наше общество фактически вышло из-под нашего контроля, что мы беспомощно влачимся, увлекаемые какими-то силами, справиться с которыми мы не можем за отсутствием у нас мужества и энергии.

Такое же удручающее впечатление производит тот факт, что мы допустили, чтобы наши культурные потребности, наши развлечения и даже частично образование и воспитание нашей молодежи попали под власть массовых стандартов и, в конце концов, даже уличной рекламы. Иностранец выносит впечатление, что нам как будто совершенно безразлично, каким образом эти вопросы разрешаются; что здесь, как и

повсюду, мы пассивно подчинились ходу нашей экономической системы; и что мы согласны двигаться, куда бы эта система ни привела нас, не обращая внимания на то, как это отражается на эстетическом чувстве, на умственном здоровье и на душевной бодрости нашего народа.

Трудно с достаточной силой выразить, насколько печальны и безнадежны такие впечатления с точки зрения перспектив наших взаимоотношений с миром. Из опыта частной жизни мы знаем, что только тот может руководить другими, кто способен до известной степени быть господином самому себе. (Народы мира не склонны подчиняться водительству страны, которая в своем внутреннем развитии на глазах у всех пассивно влечется по течению, и притом в опасном направлении). Даже если нам кажется, что мы не нуждаемся в более строгом контроле с точки зрения потребностей нашего общества, то всё же я предложил бы прибегнуть к нему из соображений внешнего впечатления, поскольку нашей стране суждено стать примером для других народов.

Поскольку мы сумеем составить и выполнить программу всеамериканской акции, направленной к установлению подлинно здоровых отношений, как между человеком и природой, так и между самими людьми, — постольку мы впервые сможем сказать человечеству нечто, совершенно отличное от всего того, что мы говорили ему до сих пор. Поскольку мы сумеем развернуть социальные задания в нашем

собственном обществе, постольку наша жизнь и наш опыт приобретут интерес и значение для народов в других частях света. Вспомним, что мы — фактически единственная в мире страна, которая в течение долгого времени могла позволять себе роскошь невозбранно производить такие эксперименты, не заботясь об остальном мире. Почти повсюду, кроме Америки, люди убеждены, что ответы на их проблемы могут быть найдены только при условии принятия на себя максимальной коллективной ответственности и дисциплины. Для многих из них пример Америки, — где, повидимому, нет высшего общественного идеала, чем самообогащение индивида, и где это самообогащение ограничивается главным образом материальными благами и побрякушками, не имеющими цены при поисках более глубоких источников удовлетворения жизнью, — пример этой Америки вряд ли может внушить доверие или энтузиазм. Остальной мир знает, что мы можем фабриковать автомобили и аппараты телевидения и умеем продавать их; но он ждет от нас еще и чего-то другого: чего-то предназначенного для утоления иных, более глубоких и интимных потребностей человека, каждого человека, где бы он ни жил. Как бы каждый из нас ни респондировал Т. В. А.¹, но оно должно было бы заставить нас всех задуматься над тем, что ни одно из предприятий Америки не вызвало в целом мире такого интереса и уважения, как Т. В. А.

Сейчас эти проблемы — как человеку овладеть

¹ Администрация долины реки Теннесси.

природными ресурсами энергии и как ему провести такие процессы, как индустриализация и урбанизация, без вреда для традиционных ценностей цивилизации и без ущерба для жизненных сил общества, — являются проблемами не только одной Америки, это общечеловеческие проблемы. Поскольку мы, американцы, способны показать, что мы осознали эти проблемы, что мы подходим к ним со своими ясными и конкретными идеями и готовы их воплотить в нашей жизни, — постольку мы вводим новое измерение в наши отношения с другими народами и постольку фактически мечты тех первых поколений американцев, которые провидели в нас, своих потомках, пионеров и помощников для других народов мира, — начнут понемногу воплощаться в действительности.

Мне остается добавить еще одно, последнее замечание. Я говорил здесь главным образом о вопросах, связанных с нашим физическим окружением, с внешним миром. Но я должен сказать, что в конечном счете для наших иностранных дел в наступающем периоде более важными, пожалуй, окажется наше отношение к нам самим, американцам, и состояние нашей американской души.

Суров и жесток мир, в котором мы живем. Он полон призраков, ужасов, бездн и отчаяния. У каждого из нас, кому пришлось много путешествовать или жить вдали от Америки, невольно временами сжимается сердце от сознания глубины и сложности мировых проблем, от невероятных страданий, ненависти и от-

чаяния, переполнивших жизнь людей в иных частях света, от зависти и ревности, глядящих на нас со всех сторон, от смертельных угроз нашей безопасности. Мне лично пришлось наблюдать всё это в течение 18-ти лет, проведенных мною на чужбине, большей частью вблизи того центра, где планомерно раздувалась самая яростная политическая вражда, какая когда-либо и где-либо существовала. И я представляю себе, какое усилие надо употребить для того, чтобы обеспечить Америке еще на долгие годы ее сегодняшнее богатство и комфорт, ее спокойную жизнь без угроз и опасностей, среди окружающего ее мира нищеты, катастроф и отчаяния.

Но когда я спрашиваю себя: что именно является самым страшным и грозным из всего, что окружает нас и угрожает нам, я сказал бы без колебаний, что это «самое страшное» находится не вне нашего общества, оно кроется в нем самом. Я имею в виду не эти жалкие отбросы населения, которые составляют три четверти нашего «дна» и всё еще находят утешение для своего «я» в поддержке коммунистической партии. То, что я имею в виду, гораздо серьезнее. Дело в том, что для огромного большинства нашего народа иностранное вторжение и ниспровержение нашего строя страшны не столько сами по себе, сколько тем, что они могли бы привести к утрате веры населения Америки в самих себя, в свое единство, в свою Америку, как особый целостный мир. По сравнению с этим моральным крушением целой нации — факт иностранного вторжения сам по себе представляется относительно второсте-

пенной и даже почти заурядной проблемой. Ничто не может быть более губительным для нашего успеха на любом поприще иностранной политики, чем наше внутреннее ощущение, что мы утратили веру в самих себя, что в нашем страхе мы готовы скорее отречься от исконных идеалов нашей культуры, чем защищать их со всей силой нашей веры.

Тут дело идет уже не о кучке людей, решивших сорвать дешевый политический успех, обращаясь к примитивным инстинктам человека, к тому убогому, недоверчивому дикарю, что таится на дне почти каждой человеческой души. Здесь нечто гораздо более опасное: миллионы наших граждан жадно внимают этим соблазнам и затем бегут преданно и ревностно, подобно жертвам тоталитарной промывки мозгов, разнюхивать и проверять лояльность своих сограждан, проводить «чистку» библиотек и читален, чтобы предохранить нас всех от заразы вредных идей. Внешний мир отлично знает, что мы меньше, чем какая-либо иная нация, нуждаемся в подобных мерах, что они не отвечают реальным и разумным потребностям нашей страны в ее сегодняшнем положении, что это является лишь выражением глубокого внутреннего кризиса, терзающего нас страха за самих себя.

Если мы хотим в ближайшем будущем успешно развивать наши отношения с другими народами, — а тем самым и нашу собственную культуру, как целое, то мы должны энергично и решительно приступить к борьбе с этой деморализацией, вновь обрести наше равновесие, снова научиться действовать так, как над-

лежит настоящим американцам, а не таким, какими — мы боимся — они могут стать.

Я опасаясь, что в этих своих лекциях я вел вас слишком быстро и быть может завел очень далеко. Без сомнения картина, которую я нарисовал вам, далеко несовершенна; в ней много пробелов. Я боюсь, что во многих отношениях я поставил больше вопросов, чем мог ответить.

Но я надеюсь всё же, что одно впечатление мне удалось оставить в вашей памяти — это впечатление основного внутреннего единства всех проблем нашей государственной политики; и, следовательно, ошибочности и опасности всяких попыток внести разделения и перегородки в нашем понимании проблем нашей заграничной политики. В первой лекции мы видели, как наше мышление было расщеплено двумя различными планами международной реальности. Мы постепенно вглядывались всё более внимательно в каждый из этих двух планов, чтобы определить требования, которые они предъявляют к нашей государственной политике. По моему мнению, общий вывод нашего исследования тот, что во внутреннем развитии нашей культуры — в том, чем мы являемся для самих себя, а не в том, чем мы являемся для других — эти два плана международных реальностей фактически сливаются воедино. Мы не найдем этого единства иностранной политики, которое нас больше всего занимает, если мы будем искать его лишь в сфере внешних отношений, протекающих вне домашней жизни

нашей страны. Мы найдем его только в торжественном признании наших обязанностей, как американцев 20-го века, я имею в виду: обязанности каждого из нас, как личности, в отношении своего Бога и своей веры; обязанности нас всех в целом, как политического общества, в отношении наших национальных идеалов; а через эти идеалы — в отношении широкой всечеловеческой общины, всё возрастающей частью которой мы являемся.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие Александра Далина	5
Предисловие автора	19
I. Два плана международной действительности .	21
II. Несоветский мир	53
III. Проблема советской мощи	89
IV. Объединяющий фактор	121